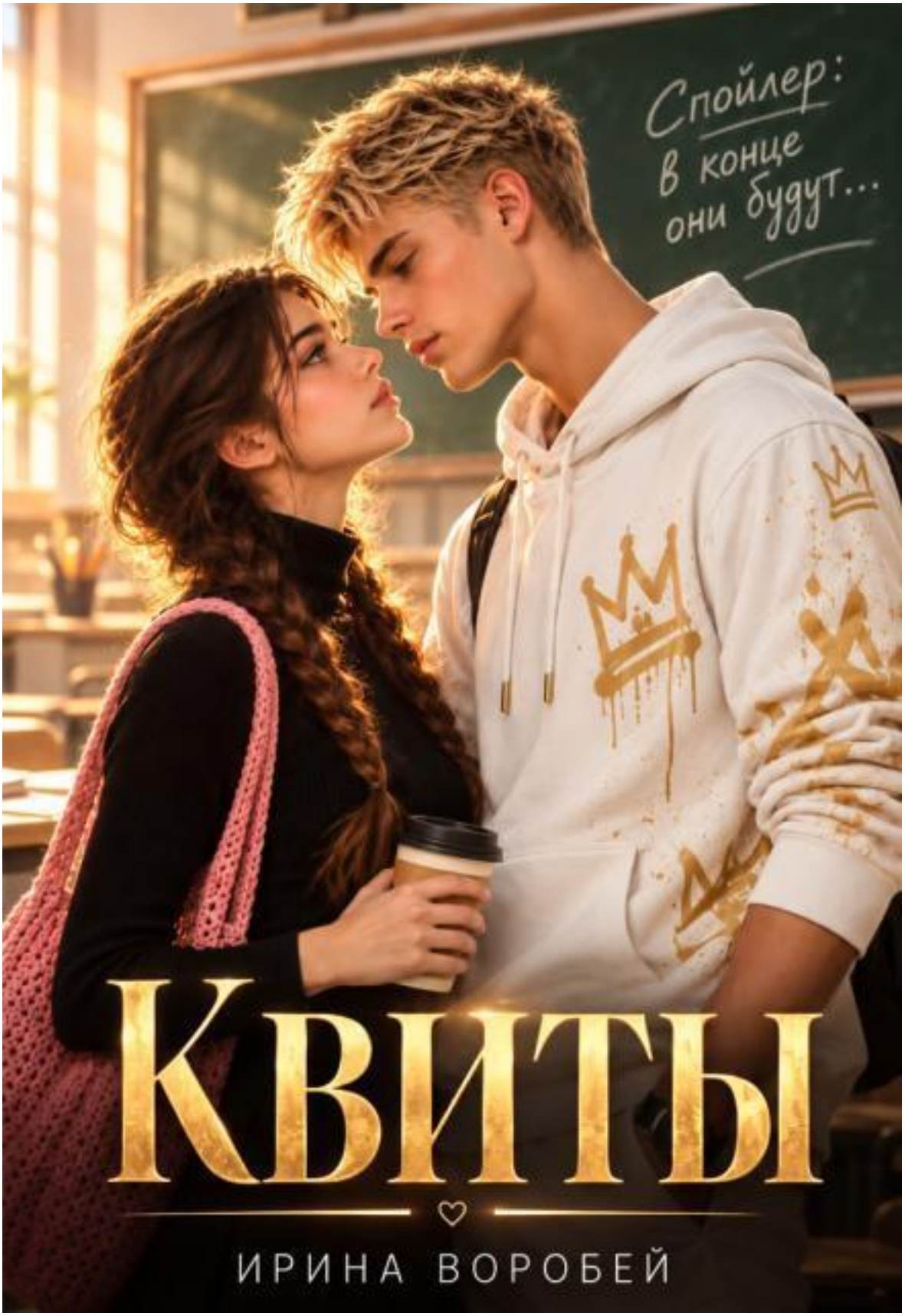
Спойлер:
в конце
они будут...
КВИТЫ
ИРИНА ВОРОБЕЙ

Ирина Воробей

Квиты

«Литнет»
2026

Воробей И.

Квиты / И. Воробей — «Литнет», 2026

В первый же день Лида нарвалась на короля новой школы, который обещал ее «любить и жаловать». Ей всего лишь надо было дожить пару недель до Последнего звонка спокойно, но теперь...Кен бы ее и не заметил, если бы она сама "не заметилась", а теперь ему покоя нет.Спойлер: в конце они будут квиты.# от ненависти до… # популярный парень, который не такой, каким хочет казаться # честная девушка, которая ровно такая, какая есть # у нее есть обида и данное обещание # у него есть мечта и совесть # оба - гринфлаги с яркими красными вкраплениями ;)# школа # подростки # буллинг # отцы и дети # глубокие чувства

© Воробей И., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Ты-дын! 5
Глава 2. До самого конца 11
Глава 3. Пикассо, блин 15
Глава 4. Лапки 19
Глава 5. Цирк 23
Глава 6. Несправедливость 28
Глава 7. Знакомая боль 32
Визуалы героев 36
Глава 8. В любом вкусе 41
Глава 9. Дикая 47
Глава 10. Круть. Писк. Восторг 51
Глава 11. Глаза-в-глаза 56
Глава 12. Эксперимент 62
Глава 13. Возмездие 67
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Глава 1. Ты-дын!

Аннотация

В первый же день Лида нарвалась на короля новой школы, который обещал ее «любить и жаловать». Ей всего лишь надо было дожить пару недель до Последнего звонка спокойно, но теперь...

Кен бы ее и не заметил, если бы она сама "не заметилась", а теперь... ему покоя нет.

Спойлер: в конце они будут квиты.

 # от ненависти до… # популярный парень, который не такой, каким хочет казаться # честная девушка, которая ровно такая, какая есть # у нее есть обида и данное обещание # у него есть мечта и совесть # оба - гринфлаги с яркими красными вкраплениями ;)

 # первая любовь # любовь и дружба # противостояние и притяжение # школа # подростки # буллинг # отцы и дети # глубокие чувства

Глава 1. Ты-дын!

Лида не хотела идти в школу. Не то чтобы боялась новых людей и нового места, просто устала. Ничуть не волновалась. Уже неделю ничего не чувствовала, кроме опустошения.

Из-за смены часового пояса она плохо спала. В родном Владивостоке день шел в самом разгаре, а в Петербурге созревало утро и сразу хмурилось. Ветры здесь гуляли мощные, Лиду чуть не сдуло. Хотя она была бы не против улететь отсюда, желательно, обратно во Владивосток.

Школа пряталась среди кирпичных и панельных многоквартирок, но видна была издалека. Выделялась и цветом – оранжевой обивкой с синими панорамными окнами, и формой – многоуровневое здание буквой «Т». Школа больше походила на офис ИТ-компании. Двор был выстелен ровным газоном. Справа имелся бетонный плац, зачем-то покрытый серой краской, а слева – спортивная площадка. Молодые деревья росли по всему периметру, обозначенному узорчатым чугунным забором.

Бросалось в глаза, что это частная школа. По маминым словам – не столько для элиты, сколько для одаренных детей. Лиде тоже пришлось в экстренном порядке подготовиться и сдать вступительное испытание, чтобы иметь право быть зачисленной. Во Владивостоке такие школы выглядели скромнее этой, потому что содержались государством. А тут какой-то меценат забабахал проект на свои деньги.

На ходу попивая банановый раф из пекарни по пути, Лида шагала вдоль черной решетки и искала глазами вход. Слева на детской площадке скрипели качели. Подъезды соседних домов то и дело пищали домофонами. Тут и там зажигались и гудели моторы машин. Собираясь второпях, Лида не нашла наушники, поэтому пришлось слушать все шумы города.

– Ты-дын! – раздалось сзади. Это был не звонок, а голос.

Его обладатель пронесся мимо на скейте. Лида успела отскочить в сторону от звука, почти прижавшись к забору, но ее окатило брызгами из ближайшей лужи. С ног до головы. Даже в лицо прилетело и осело на щеках. Одна капля попала ровно в прыщ на лбу. Обиднее всего стало за розовый шопер. Его рассекла целая россыпь брызг по диагонали.

Это стало последней каплей. Каплями! Множественными!

Лида всю неделю ходила, как восковая кукла. Высыхала на глазах, пытаясь держать все в себе. На похоронах и слезинки не проронила. И многочасовой полет она выдержала стойко. Даже сегодня утром, когда наконец осознала свое одиночество, принимая душ в чужой ванной, она не дала себе слабины. А тут вдруг прорвалось. В груди клокотало. В сознании штормило. В сердце взрывалась ярость. Хотелось высказать этому несправедливому миру за все.

– Эй! – крикнула Лида, воспламеняясь от злости.

– Сорян, – парень в расписной толстовке и с красным рюкзаком даже не обернулся. Просто взмахнул кистью, как будто отбился от назойливой мошкары, и укатил дальше. Он и перед калиткой не остановился, а круто завернул во двор на задних колесах и поехал по дорожке до самого крыльца.

Лида осмотрела шопер еще раз и чуть не заплакала. Какой-то урод одним неаккуратным движением испортил то, что бабушка вязала целый месяц.

Ушлепыш!

Сжав стаканчик с кофе, который, к своей удаче, она не успела допить, Лида решительно направилась в школу за толстовкой, расписанной золотым граффити на белом хлопке. Такую ни с чем не спутаешь, но Лида все равно боялась потерять Ушлепыша из виду, поэтому семенила и чуть себя не облила кофе.

Внутри школы парень перемещался на своих двоих, а скейт оставил на входе – в специальном уголке, где лежали другие скейты, ролики и мини-самокаты. Ушлепыш шел, уткнувшись в телефон. Блондинистую голову поднимал, только когда его окликали, просто взмахивал ладонью в знак приветствия и снова утыкался в экран. Его макушка возвышалась над толпой. Лида оценила габариты как потенциально опасные: Ушлепыш был высок и широк в плечах. Он слегка пружинил походку и не глядя лавировал среди других учеников как рыба в воде, очевидно, ловко владел своим телом, но Лиду это не испугало. Гнев затмил разум.

Нагнать Ушлепыша она смогла на втором этаже у самого кабинета, в который он уже заворачивал, но остановился на ее:

– Ты-дын!

Ушлепыш обернулся, и Лида прыснула в него остывшим кофе. Бежевое пятно расплылось по витиеватым надписям на груди и стало стекать по складкам на черные джинсы и на пол. Самой приятной частью мести оказалась его полностью растерянная рожа. Глаза заняли пол-лица, брови разлетелись, рот раскрылся широко. Уши, и без того торчащие, сильнее оттопырились. Но недоумение быстро сменилось злостью. Он оскалил ровный ряд зубов и развел руки в стороны.

– Че за?!

Все, кто был в радиусе нескольких метров, остановились. Девчонки ахали, мальчишки выкрикивали непонятные междометия. Кто-то смеялся. Из кабинета, в который Ушлепыш заходил, полезли любопытные головы.

– Йоуп, – удивлялся пацан с самурайским хвостиком на макушке, медленно оглядывая Лиду и Ушлепыша. – Гля, че с Кеном…

– Че? – лез за ним еще один, в очках, как у Гарри Поттера.

– С Кеном? – протискивалась между ними рыжая девчонка.

– Извинения приняты, – фыркнула Лида в лицо Ушлепышу, пока к тому возвращался дар речи, и показала на себя, обрызганную до пят. Даже на черном капли грязи выделялись отчетливо. Пока она бежала, они успели подсохнуть и принять земляной цвет. – В следующей раз смотри внимательнее, куда прешь, ушлепыш.

Она двинулась вперед, но парень крепко схватил ее за локоть и вернул на место. Ее отражение сгорало в пожаре его голубых глаз. Брови нависли над ними грозными стрелками.

– Слышь, дичь! Руками будешь отстирывать, поняла?! Это эксклюзивная вещь, – он потянул свободной рукой сам себя за грудки. Капли кофе с толстовки брызнули в стороны. И на Лиду попало. Она не успела увернуться.

– Моя сумка тоже. Мне вообще бабушка ее связала! – Лида пихнула ему в лицо шопер, чувствуя, как у самой слезы щиплют. – Так что мы квиты.

Он отбил шопер рукой. Воспользовавшись моментом, она попыталась вырваться, но Ушлепыш вцепился клешней.

– Какие квиты? Че я те сделал? Я впервые тебя вижу! – голубые глаза, слишком ясные и пустые, как кристаллы аквамарина, смотрели на нее именно так – как в первый раз, будто вообще подобных ей существ никогда не видывали.

– Ты меня обрызгал! Только что, за школой, – она указала на противоположную стену коридора. – И даже этого не заметил!

– Да ты конченая! – он быстро обежал ее взглядом и остановился на лице, кривя свое в непонятной гримасе, смеси разного. Там читались и презрение, и ярость, и все еще немного недоумения.

Ушлепыш помотал головой и облизал губы. Встретился взглядами со своими одноклассниками, которые целой горой торчали из-за двери, и, вздохнув, снова посмотрел на Лиду.

– Увернуться не пробовала? Обычно помогает, – он опустил на шопер прозрачные глаза, не отягощенные ни каплей сожаления. Правая клешня его все еще сжимала Лиде руку.

– А ты не пробовал по лужам не ездить? – она потянула локоть, но Ушлепыш ее не отпустил, наоборот, сжал сильнее, до слабой боли.

– Не пробовал.

– Это не только твоя улица. Учись уважать других людей.

Длинные пальцы почти полностью обхватывали Лидино плечо. За последние месяцы она заметно похудела. И потеряла много сил. Обида на мир подпитывала ее недостаточно, чтобы легко сбежать от этого гада. У него все жилки на предплечье выступили от напряжения, как будто он хотел ее сломать.

– А ты сейчас вот этим уважение проявила, да? – Ушлепыш снова дернул себя за толстовку, в которую весь кофе уже впитался. Ничего больше не брызгалось. – Ты из какой дурки сбежала?

Парень оглядел коридор в поисках кого-то или чего-то. Но мог видеть лишь ошарашенные или любопытные лица других учеников, толпившихся вокруг. Поток во всем коридоре замер и сгустился возле их кабинета. Одноклассники Ушлепыша заполнили дверь, налегая друг на друга.

– Звоните в скорую, блин, – он кивнул на них. – Надо эту шизоиду обратно упаковать.

– Я нормальная! – возмутилась Лида. Новое оскорбление дало мощный виток энергии, и она смогла освободиться от его хватки, толкнув в плечо. – Ты испортил дорогую мне вещь. Я тебе ответила тем же. Справедливость восторжествовала. Все! Расходимся.

Она взмахнула руками и пригрозила прищуром всем, на нее смотрящим. Люди попятились.

– Одиннадцатый «А»! – послышался издалека знакомый голос, встревоженный, с легкой хрипотцой. – Ларионов, что опять?

«Одиннадцатый «А»?» – повторила про себя Лида и с ужасом посмотрела на Ушлепыша.

Она огляделась и прошлась по ухмыляющимся лицам одноклассников, теперь своих. Ошибки быть не могло. Мама определила ее в одиннадцатый «А» якобы с творческим уклоном, хотя Лида планировала поступать на юридический.

– Биссектриса, биссектриса! – выскакивали нервные шепотки там и тут по коридору.

– Кен, ты влип, – парень с хвостиком на макушке сморщился, как от боли, и спрятался за косяком двери.

Лида не поняла, о чем они, бросила взгляд за головы учеников в глубь коридора. По нему на каблуках, в узком платье, насколько могла быстро, неслась мамина угловатая фигура.

– А почему сразу я, Анастасия Максимовна? На меня эта бешеная набросилась, – Ушлепыш обернулся и показал рукой на Лиду.

Увидев ее, мама вытаращила глаза и резко остановилась, почти добежав до места происшествия. Ее отделяла тонкая прослойка учеников, но они тут же расступились и дали ей пройти.

– Лида? Что случилось? – растерянно спросила мама, делая осторожные шаги к ней.

Лида закрыла глаза, чтобы перевести дух. Втянула в легкие побольше воздуха и медленно, стараясь негромко, выдохнула.

– Я ее не трогал. В первый раз вообще вижу, – Ушлепыш отшагнул назад, подняв «чистые» руки.

Из кабинета подтянулись еще любопытные носы.

– Ну так познакомься, Ларионов! Это твоя новая одноклассница! – мама саркастично улыбнулась и оглядела вообще всех по кругу. – Прошу любить и жаловать.

Лида повторила за ней и тоже пробежалась по лицам одноклассников, поджимая губы. Хотелось прямо отсюда взять такси до аэропорта и первым же рейсом улететь обратно во Владивосток.

– Очень приятно, новая одноклассница, – с надутой вежливостью проговорил Ларионов, сделав на нее шаг, не без угрозы. Аквамариновые глаза засияли нехорошим блеском. – Обещаю любить и жаловать.

А Лиде четко слышалось: «изводить и ненавидеть».

Она шмыгнула носом, не опуская глаз. В них скопились слезы, но Лида их держала из последних сил. И гордости.

Внутри уже понимала, что испортила и без того поганый день. То есть сразу остаток учебного года, что ей придется провести в этом месте среди этих людей. Особенно с этим Ушлепышом.

– А мне вот *не*приятно, – выдавила она сквозь зубы в лицо Ларионову. – Я с такими, как ты, вообще общаться не хочу. Пожалуйста, избавь меня от своего гнусного общества.

Некоторые из наблюдавших посмеялись. Он закипел. Это было видно по раздувшимся ноздрям, в которые Лида смотрела снизу. Из них исходил жар его гнева.

– Слышь! Это мое общество будет радо от тебя избавиться, – рыкнул Ушлепыш, наклонившись к Лиде опасно близко, настолько, что она могла дышать только запахом его арбузного шампуня.

Между ними встряла мама и растолкала в стороны.

– Не бесите меня, быстро в класс. Сейчас урок начнется.

И прозвенел звонок на весь коридор. В густой тишине он ощущался громогласным.

Мама жестом загнала учеников в кабинет и Ларионова похлопала по плечу, чтобы он сдвинулся с места, а то он взглядом застыл на Лиде. Она свой тоже не уводила, потому что надо было выдержать.

«Всего пару недель. Продержаться всего пару недель», – повторяла про себя Лида, как молитву, заходя в класс последней.

Глава 2. До самого конца

Завернув в кабинет, Ушлепыш начал на ходу снимать толстовку через голову. Вместе с ней поднялась и футболка, оголив торс до груди.

– Я увидела пупок Кена! – воскликнула двухвостая рыжая девушка в винтажном кожаном жилете поверх платья-футболки и захихикала, накрыв зеленые губы ладонями. Лиде она напомнила лесного эльфа или что-то вроде того.

Другие девчонки довольно завизжали. А парни посмеивались и издавали разные звуки, то ли по-обезьяньи, то ли по-собачьи, то ли еще как, но на человеческие междометия это не было похоже.

Идя за Ушлепышом, Лида сзади могла оценить только мышцы спины – их он хорошо прокачал. Спереди наверняка тоже было на что посмотреть. И все глазели.

– А я видела его соски и че? – откинув нежно-розовые закрученные волосы назад, красавица в белом топе и мини-юбке вздернула острый подбородок и продемонстрировала всем лебединую шею.

Эту Няшу словно на 3D-принтере напечатали по макету нейросети: ровная белая кожа, маленькие, оттого милые черты лица и при этом прекрасно сформированная фигура в хороших объемах.

«Ну куда же без королевы», – Лида закатила глаза.

– Оу, – протянули девчонки хором. Лида сочла этот звук за одобрение или даже зависть.

– Клава! Где? Как? – возмутился девчачий голос. Лида не успела уловить, кто говорил. Девчонок, на глаз, она насчитала чуть больше, чем парней.

Изучив Няшу внимательнее, Лида убедилась, как ей не шло имя «Клава». Так и просилась какая-нибудь Жанна или на крайний случай Ингеборга.

– Йооо! У них было! – раздался ломаный бас из другого конца кабинета. Под постером со строением клетки стоял мощный парень, напоминавший волка широким носом и маленькими глазами. Он носил на макушке русый хвостик, а от висков до затылка выбрил стрелки. В ушах торчали красные тоннели размером с грецкий орех. Его голову Лида увидела среди первых, торчащих из двери, пока они разбирались в коридоре.

Все-то тут «личности».

– Ааа!

– Ооо!

– Интим! Интим!

– Да гонит.

Толпа заволновалась. Шепот стал громче и спутаннее. Лида посмотрела на Няшу, которая накручивала розовый локон на указательный палец и сосала чупа-чупс, ничего не отвечая, просто бегала лукавыми глазками по одноклассникам.

– Молодежь, давайте скромнее, – краснея, воскликнула мама. Она прошла за учительский стол, но не садилась. – Я же здесь и все слышу.

– Я ваще-то тоже! – Ушлепыш наконец скинул толстовку и показал залитое краской лицо. Непонятно, от чего: от смущения или от злости, или просто от того, что успел запариться, пока путался в толстовке.

Он дошел до конца среднего ряда и остановился за той же партой, что и Няша. Она хихикнула ему в лицо, сморщив носик, и плюхнулась на стул. Предсказуемо они оказались парой, сидели за одной партой и вместе рулили классом.

Лида досадовала, что сразу «завражилась» с лидером. К ней и в старой школе нет-нет да придирались из-за немодной одежды, узких глаз и в целом «нетаковости». Ни с кем, кроме

Вики, Лида за десять лет учебы не подружилась. Но там ее трогали редко, когда было в тему, а здесь обещали буллить на постоянной основе. Деваться было некуда. Не сдаваться же теперь.

«Попала, как попала», – решила она.

– Быстрее рассаживайтесь по местам, я представлю вам новенькую, – ворчала мама, а Лида под общий гам изучала местность.

Аудитория оказалась кабинетом биологии. Все здание было выполнено в стиле лофта на скандинавский манер. Кабинет поддерживал дизайн. На белых стенах висели плакаты с изображением растений, животных и важных научных открытий, о которых всем положено знать. Окна закрывали бежевые римские шторы. Из противоположной стены торчала раковина, а следом тянулись лабораторные стеллажи с микроскопами, склянками и макетами человеческих органов.

Новые одноклассники заняли все парты, расставленные в четыре ряда по три штуки в каждом. Сидели по двое. И ни одного свободного места Лида глазами не отыскала. Зато между окном и учительским столом стояла одиночная парта со стулом – лицом к остальным. Очевидно, для нее.

«Блин. Разумеется. Лучше бы сразу на позорный столб повесили», – бесилась про себя Лида, предвкушая постоянную неловкость, ведь на этом месте все по-любому будут ее разглядывать. Она все больше убеждалась, что мама специально усложняла ее и без того непростую жизнь.

Лида вообще не хотела учиться в ее школе, но мама сказала, что под конец учебного года, тем более в выпускных классах, нет свободных мест, и даже в их частном учреждении место с трудом удалось выкроить, поэтому Лида должна быть благодарна судьбе и ей, маме. Хотя Лида предпочла бы остаться во Владивостоке в одиночестве и спокойно сдавать экзамены там. Она и так последнюю пару лет жила самостоятельно, еще и за бабушкой ухаживала. Ей не требовался опекун. Однако государство считало иначе.

Первую минуту все шуршали на местах и перешептывались, постоянно поглядывая на Лиду. Она стояла у доски и от волнения крепко сжимала ручку шопера. Рюкзак давил на плечи и заставлял сутулиться. Голову она сама поднимать не хотела, чтобы ни с кем случайно не пересечься взглядами.

– Я займу у вас пару минут, пока Людмила Геннадьевна не пришла, – сказала мама, когда в классе воцарилась относительная тишина. – Знакомьтесь, ребята, это Лида Пронина. Теперь будет учиться с вами.

Она улыбалась по-лягушачьи, по-другому и не могла. Лиде передались эти тонкие и при этом широкие губы, словно наказание за мамин грех. В основном из-за рта Лида себе и не нравилась и благодарила природу, что хотя бы в остальном пошла в отца. Его никогда не видела, но больше не от кого было унаследовать раскосые глаза, широкие скулы и темные волосы.

Мама всегда казалась Лиде некрасивой, несимметричной, непропорциональной. Жесткие волосы соломенного цвета, широкий лоб, крупный подбородок. Квадратные плечи, плоский зад. Длинные руки и ноги. Она выглядела старше своих лет, потому что носила строгие наряды или потому что красилась неестественно, специально подчеркивая остроту черт. Или это глаза придавали ей возраста, то есть их цвет: мшисто-зеленый, словно выцветший или заплесневелый. У Лиды радужки вышли более насыщенными, иногда казались светло-карими.

– У вас одинаковая фамилия, – заметила с усмешкой Няша, выглядывая из-за спин сидящих перед ней парней, чтобы получше рассмотреть Лиду.

– Потому что мы семья. Лида – моя дочь, – спокойно ответила мама.

Из ее уст слово «семья» звучало как-то коряво. Лида не считала маму своей семьей. Ее семьей всегда была бабушка, а мама… Как дальняя родственница, в буквальном и переносном смысле. Называть ее мамой она просто привыкла, как называла других по имени. Сакрального

значения, какое для большинства имело слово «мама», Лида никогда в это не вкладывала. Просто мама. Как для других она Анастасия Максимовна.

– Кен, РИП [1], – посмеялся очкарик, чья голова вылезла в коридор второй после Волка. Лида прозвала его для себя Гарри Поттером, хотя парню недоставало шрама.

Остальные подхватили смех. По лицу Ушлепыша пробежала молниеносная досада. Он расцепил скрещенные руки и положил их на парту. Смотрел на Лиду исподлобья. Она отвечала ему с вызовом – давала карт-бланш. Не хотела защищаться авторитетом матери.

– Кеша, – обратилась мама к Ушлепышу. – Уверена, произошло недоразумение. Зайди ко мне на большой перемене. Поговорим.

Она внимательно посмотрела ему в глаза. Ушлепыш откинулся на спинку стула и нехотя согласился.

Новая волна шепота пронеслась по классу. Теперь все оглядывались на Ушлепыша. А Лида злилась на маму, не хотела, чтобы из-за такого покровительства ее еще больше гнобили. Она не сомневалась, что никакие разговоры, даже с директором школы, Ушлепыша и остальных не напугают. Уроды найдут способ напакостить ей так, чтобы мама ни о чем не догадалась. Лида в любом случае не собиралась жаловаться и искать у нее защиты.

– Доброе утро, одиннадцатый «А»! – ворвалась в кабинет женщина в сером брючном костюме с шевелюрой, как у Пугачевой, только седовласой. Она поправила очки на носу и уставилась на Лиду. – О, Анастасия Максимовна! А эта наша новенькая?

– Да, Людмила Геннадьевна. Я уже представила ее классу, сейчас уйду, – мама улыбнулась по-директорски вежливо и посмотрела в угол. – Лида, придется тебе сидеть так, боюсь, что до самого конца.

Все, как по указке, посмотрели на одиночную парту. Железно-деревянная конструкция имела складной механизм. И стол, и стул превращались в доски, хотя выглядели массивно.

– Слава богу, тут осталось немного, – Людмила Геннадьевна показала желтый ряд крупных зубов.

– Да-а, – протянула мама, не оборачиваясь. – Такая парта у нас одна. Надо придумать, как Лиде ее переносить, ибо уроки проходят в разных кабинетах.

– Справлюсь.

Лида прошла к своему месту и оглядела конструкцию, чуть приподняв ее обеими руками за край. По ощущениям штука весила, как велосипед. В принципе, велосипед Лида таскала как-то – подъемно.

– Милочка, куда ты такая худышка? – Лиде не нравился умильный тон Людмилы Геннадьевны, больше снисходительный, чем сочувствующий. – Вон у нас сколько бравых парней. Проси ребят, они всегда помогут.

Осмотрев лица одноклассников, Лида не нашла ни одного воодушевленного, впрочем, и не надеялась. Бабушка научила ее рассчитывать только на свои силы. В их семье мужчин не было. Дедушка умер, когда еще мама была ребенком.

– Да, Лида, не тягай сама, проси одноклассников помочь, – мама обвела класс директорским взглядом. – У нас ведь все здесь настоящие мужчины?

– Я искусственный. ГМО, – отозвался Ушлепыш.

«Кто бы сомневался», – усмехнулась про себя Лида. А некоторые девчонки поддержали его смешками. Следом понеслись восклицания:

– И я пластиковый.

– Я тоже полуфабрикат.

– Вторсырье.

– Айм мэйд ин Чайна[2].

Людмила Геннадьевна растерянно улыбалась, а мама устало вздохнула – явно не первый раз натыкалась на подобное.

– Ну вот, Ларионов, раз ты у нас генно-модифицированный, будешь таскать за Лидой парту.

– Наймите профессиональных грузчиков, Анастасия Максимовна. Боюсь, я не обладаю достаточной квалификацией, – он откинулся на стуле и заложил руки за голову.

Футболка натянулась на крепкие мышцы – на Лидин взгляд, «квалификации» там было предостаточно.

– Для этого дела сойдешь и ты, Ларионов. Жду тебя на большой перемене, – мама круто развернулась на каблуках и вышла из кабинета, кивнув напоследок Людмиле Геннадьевне. Все уловили ее тихое «Бесит» по губам.

Лида невольно заглянула в глаза Ушлепышу. Мысленно он пырял в нее ножом, но она долго не уводила взгляда, хотела донести, что не сдастся и мама тут ни при чем.

– Лидочка, тебе удобно будет на доску смотреть? – вкрадчиво спросила Людмила Геннадьевна, подойдя к учительскому столу.

– Да, – просто ответила Лида, опустив голову.

– Ну и ладушки.

Одноклассники продолжали глазеть. Им даже вертеться не требовалось – Лида сидела как на витрине. Успокаивала себя тем, что этот день когда-то закончится, а затем и неделя, потом и вторая. Школьные будни быстро пройдут. С Последним звонком отпадет необходимость являться сюда пять через два. Останутся только экзамены. А там – поступление и долгожданная свобода.

[1] РИП (англ. аббр. R.I.P. – rest in peace) – покойся с миром

[2] Айм мэйд ин Чайна (I am made in China(англ.)) – Сделан в Китае

Глава 3. Пикассо, блин

– Так, ребята, сегодня продолжаем раздел: «Биоценоз», – озвучила Людмила Геннадьевна на весь класс. Она специально завышала голос, будто вещала на целую толпу. – Лида, ты как? Отстаешь по теме или…

– По жизни, в развитии, – докончил за нее Ушлепыш.

Класс загоготал. Няша так вообще чуть чупа-чупс не проглотила.

– Ларионов, – учительница посмотрела на него с упреком, поджав губы, а потом добавила с сарказмом. – Про тебя мне все давно ясно, можешь не рассказывать. Я не к тебе обращалась.

– Все в порядке. Мой прежний класс уже начал эту тему, – сохраняя хладнокровие, ответила Лида, хотя мнимое спокойствие дорогого стоило. Челюсти чуть ли не трескались от напряжения.

– Отлично. Повторение – мать учения. Открываем учебник на триста тридцать восьмой странице.

Лида подняла руку.

– Извините, я еще не получила учебники.

– Ах да, конечно, милочка, сейчас найдем.

Людмила Геннадьевна обернулась к остальным и посмотрела на первую парту, за которой сидели две девчонки – близняшки. Лида как-то сразу их и не заметила. Ушлепыш переманил все ее внимание на себя. А они выглядели копиями друг друга – такое сходство бросалось в глаза. В первую очередь оригинальная прическа: с одной стороны – почти под мальчика, с другой – косые каштановые копны с торчащими, как мягкие прутья, прядями. На треугольных лицах выделялись тонкие носы со вздернутыми кончиками. Серые глаза были жирно подчеркнуты тенями и тушью.

Та, что сидела к Лиде ближе, протянула учебник, а вторая положила свой на середину парты. Лиде пришлось встать, чтобы забрать подачу.

– Спасибо.

– Не за что.

Близняшка просто пожала плечами, не глядя Лиде в лицо, а ее сестра, наоборот, изучала Лиду с любопытством и легкой улыбкой.

Раскрыв учебник на нужной странице, Лида вслушалась в голос учителя, стараясь не обращать внимания на пристальные взгляды. Особенно аквамариновый.

Ушлепыш совсем оборзел – смотрел на Лиду почти в упор. Она кожей чувствовала жар его взгляда. Периферическим зрением замечала частые движения. Ушлепыш то поднимал голову, то опускал, но, по ощущениям, не сводил с нее глаз. Лида старалась держать себя в руках и не отвечать ни на его навязчивое внимание, ни на смешки, периодически пробегающие по классу, пока они не стали увеличиваться и учащаться.

Под конец урока, когда все читали в тишине параграф по теме, рыжая Эльфийка, сидящая за второй партой у окна, громко хохотнула и тут же прикрыла рот рукой. Лида невольно оторвалась от учебника. Все подняли головы.

– Что у вас там за хиханьки? – спросила Людмила Геннадьевна, поднимаясь. – Слово смешное вычитали?

– Ничего, я о своем, – девчонка перевернула смартфон экраном вниз, пугливо поглядывая на учительницу, и придвинула учебник к груди, но смешинку никак не могла перебороть. Они с соседкой обе хихикали.

– Ларионов поди опять шедевры чиркает? – Людмила Геннадьевна остановилась возле парты девчонок, но за телефоном не полезла, а подняла нос, ища среди голов главного зачин-

щика посмехушек. – Что, Ларионов, мало тебе моих портретов? Еще один в коллекцию добавил?

– Так вас заказывают, Людмила Геннадьевна, – Ларионов пожал плечами. – Все хотят, как и я, перед сном любоваться вашей солнцеликой иконой. Вы у меня на одной полке с Дарвином стоите.

– А я-то думала, у тебя для меня отдельный иконостас сваян уже, – она сорвалась с места и в три шага оказалась у последней парты. Встала над Няшей и выхватила из-под учебника Ларионова тетрадный лист. На лице проявилось удивление, а потом скепсис. Для чего-то она перевернула листок туда-обратно и продемонстрировала всему классу. – Теряешь талант, Ларионов. Жаба – не мое тотемное животное.

Большинство рассмеялось, и Ушлепыш в том числе.

Лида пригляделась к рисунку. На нем была изображена лягушка, только не реалистичная, а мультяшная, скорее, в стиле шаржа. От лягушки в ней остались детали: зеленая кожа да мордашка с до неприличия широко раскрытой пастью и бешеными глазками, выходящими из орбит, а тело, не считая пальцев, выглядело почти человеческим, потому что животное стояло на двух лапах. И одето оно было в черные водолазку, шорты и колготки, как Лида. С короткого плеча спадал розовый шопер. Изо рта вылетало облачко с текстом, как в комиксах: «*Я нормальная!!!*».

«Пикассо, блин» – Лида узнала в лягушке себя. Зеленая морда реально походила на нее мимикой. Лягушке даже шли ее косички. И прыщи вылезли ровно на тех же местах.

Теперь стало ясно, чем Ушлепыш занимался весь урок, пялясь на нее.

Лида попробовала найти в нем схожие черты с каким-нибудь мелким животным, желательно пакостным и мерзким, но наткнулась лишь на чеканный профиль, который, действительно, выглядел гордо и красиво. Лиде не хотелось этого признавать, но такой можно было сравнить только со львом или, на крайний случай, с благородным конем. Выдающийся нос и подбородок, высокие скулы, густые брови, глубокие глаза – Ушлепыш вобрал в себя все привлекательные мужские черты. Что было логично. Именно такие и становились ушлепышами просто потому, что избалованы вниманием с детства, не сомневалась Лида.

– Людмила Геннадьевна, ну вы что, не узнаете? – смеясь, Няша указала чупа-чупсом на рисунок. – У нас же появился Крэйзи Фрог[3] в юбке.

– В шооортах, – протянула Эльфийка.

– На колготки, – подхватил кто-то из дальнего ряда. Лида не успевала следить за всеми.

Несколько девчонок посмеялись.

– Какой еще Фрог? – нахмурилась Людмила Геннадьевна и вгляделась в рисунок. Потом посмотрела на Лиду, и в ее светлых глазах пробежало торжество догадки.

А на лице Ушлепыша нарисовалось просто торжество. Лида смерила его презрением. Хотя в душе не спорила. Карикатура, действительно, была выполнена на ура. Лидины черты в ней хорошо считывались и доводились до абсурда. Все вместе удачно смешивалось с повадками безумного лягушонка из старого музыкального клипа.

Лида знала, что именно за внешность ее и будут буллить, но не думала, что за рот. Ей казалось, в Петербурге, самом европейском городе страны, должны были примечать в первую очередь другое, если даже во Владивостоке одноклассники обращали внимание на ее восточные черты, а там метисы, как она, не являлись редкостью, но она ошиблась. Теперь и не знала, хорошо это или плохо. Насмешки над азиатской внешностью не особо касались ее, ведь черты принадлежали целой расе, а вот рот… Это уже была Лидина особенность, тоже передавшаяся по наследству, но все равно. Когда нападали на ее узкоглазость, она всегда могла обвинить буллера в расизме и идиотизме, а тут… и защититься было нечем.

Людмила Геннадьевна взяла себя в руки и швырнула листок на парту под нос Ушлепышу.

– Так, Ларионов, хватит тратить божий дар впустую. Иди лучше нарисуй нам схему пищевых цепочек.

– А вы мне за это заплатите? Мне мама запретила выполнять заказы бесплатно.

– Если нарисуешь правильно, поставлю пятерку за урок, – она подмахнула рукой, чтоб торопился.

– С вами приятно иметь дело, Людмила Геннадьевна.

– Иди уже, бизнесмен.

Он легко поднялся и пружинистой походкой направился к доске.

Смешки прекратились, но Лида до самого звонка чувствовала, как ее внимательно разглядывают и сравнивают с «портретом». Ушлепыш как будто знал, куда бить, и ударил в самую болезненную точку.

Лида опустила лицо, потому что не могла больше смотреть на Ушлепыша, и сжалась. Уши горели стыдом. Сердце пылало жаждой мести.

Следующим уроком по расписанию шла физика. Лида не знала, в каком кабинете она проходит, но догадывалась, что не в этом. Едва дух Людмилы Геннадьевны испарился в коридоре, все зашебуршили. Вернув учебник близняшкам, Лида быстро скинула вещи в шопер и наклонилась, чтобы сложить парту. Попой уперлась во что-то, точнее, в кого-то и тут же выпрямилась. Одноклассники засмеялись, а Ушлепыш развернул ее за плечо лицом к себе.

Лида вынужденно присела на парту, ибо он подобрался слишком близко. Запах арбуза впился в ноздри. Хотелось его выкашлять.

Весь класс за ними опять следил. Никто не торопился покидать свои места.

– Завтра вернешь чистой и сухой. Имей в виду, исключительно ручная стирка, – Ушлепыш всучил ей грубо в руки свою толстовку.

Лида невольно ее приняла и крепко сжала.

– У меня есть вариант получше, – отодвинув от себя парня, она направилась не к выходу, а к окну. Открыла его и швырнула толстовку в воздух. Ее подхватил сильный порыв ветра.

– Эй! – Ушлепыш за пару прыжков оказался рядом, разъяренный пуще прежнего.

Остальные тоже кинулись к окнам – следить за судьбой толстовки. По их выражениям стало ясно, что толстовке была уготована печальная участь.

– Вух, прямо в помойку, – воскликнул Волк. – Кен, новенькая опять тебя уделала. Два-ноль.

Ушлепыш глубоко вздохнул и перевел злое лицо на Лиду. Раскалился, как сковорода – разлей масло и жарь. Она наслаждалась победой, тем более двойной. В груди хлопало злорадство.

– Конченая, – процедил он и сжал кулаки, заставив всех затаить дыхание в ожидании.

Лида тоже замерла, даже моргать перестала. Только сердце набирало обороты и дошло до бешеных скоростей. Адреналин кипятил кровь.

Пауза затянулась, а потом Ушлепыш резко сорвал с ее плеча шопер и подвесил в воздухе, как кролика за уши. Она опомниться не успела.

– Пах, дай резак, – Ушлепыш просто протянул раскрытую ладонь, не оборачиваясь.

Тот самый Волк и несколько других стали рыться в рюкзаках, но всех опередила Эльфийка и вложила в ладонь Ларионова канцелярский нож. Лида тихо ахнула, когда увидела острое лезвие.

Рот Ушлепыша медленно растягивался в злодейской ухмылке.

– Достань мою толстовку или я твою сумочку покромсаю в клочья, – он приставил нож к шоперу, к самому центру.

Лида глянула в окно, которое выглядывало на задний двор – там, в глубине, действительно, стоял большой контейнер с мусором. Поверх серых мешков валялась расписная тол-

стовка, отливавшая золотом. Она перевела взгляд на шопер, обратно на мусорку и снова на Ушлепыша. Стиснула челюсти. Сжала кулачки.

– Не тормози, а то перемена закончится, и тогда можешь прощаться со своей авоськой, – он зацепил острым кончиком одну из петель.

– Не трогай! – Лида дрогнула.

Бабушка связала этот шопер, когда Лида поступила в класс «Фортепиано», специально для нот и учебных принадлежностей. Спереди бабушка добавила нашивку с любимой Лидиной принцессой – Мулан. Это был лучший подарок для десятилетней Лиды. Ей до сих пор нравился и этот шопер, и Мулан, и вспоминать, как бабушка его вязала тихими летними вечерами под первые попытки Лиды сыграть «В лесу родилась елочка».

Это воспоминание и сейчас растопило ее сердце. От того, что тогда бабушка была рядом, то есть просто была. А теперь ее не стало. И уже никогда не будет. Шопер – последняя вещь, которая сохранила в себе частицу бабушки, ее старания, ее заботу, ее любовь.

– Хорошо. Верну я тебе гребаную толстовку, – шмыгнув носом, сдалась Лида.

– И постираешь, – надавил Ушлепыш.

– И постираю, – она выдохнула и уже потянулась рукой к шоперу.

Он усмехнулся и оттянул его за себя.

– Нееет. Это моя гарантия. Верну, когда получу свою толстовку. В первозданном виде.

«Не такой уж он и тупой», – с досадой подумала Лида и еще раз глянула в окно. Контейнер, как и толстовка, были на месте.

[3] Crazy Frog (досл.: «Безумный лягушонок», изначально известный как англ. The Annoying Thing — «надоедливая штука») — компьютерный анимационный персонаж (лягушонок-певец).

Crazy Frog стал широко известным после клипа 2005 года на ремикс «Axel F» (иногда упоминается как «Crazy Frog song», чтобы отличить от оригинала), в котором Crazy Frog убегает от своего преследователя на невидимом (воображаемом) мотоцикле.

Глава 4. Лапки

Оглядев одноклассников, не видя иного выхода, Лида вздохнула и вышла из кабинета. Ушлепыш следовал за ней. А за ним и все остальные вывалились в коридор. Они так толпой и дошли до первого этажа.

Лида не ориентировалась в здании, поэтому Ушлепыш ее направлял. Когда они проходили мимо стеклянных дверей главного входа, ткнул ее в плечо, чтобы она повернула направо. На задний двор вела железная дверь.

На улице грубый ветер хлестал остатками мороси по лицу. Ухоженный газон разрезали бетонные дорожки и одна грунтовая колея – следы от мусоровоза. Жирные розовые черви ползали по асфальту в обход расщелин со свежей травой. С обоих боков здание окружали тонкие деревья – юные клены, березы и ели.

Мусорный контейнер оказался громадным. В длину не меньше двух метров и в высоту столько же. Лиде роста точно не хватало, чтобы посмотреть, чем он забит внутри. Даже Ушлепыш, переросток, поднявшись на цыпочки, не мог туда заглянуть.

К мусорке отправились только они с Ушлепышем, остальные застыли на небольшой площадке у выхода и внутри. Смешливые шепотки и хихиканье разносились по двору, как птичьи трели.

Из контейнера несло вонью. Все стенки были замызганы множественными слоями самой разной грязи, которую уже не разобрать на виды. Даже касаться не хотелось. Лида сморщилась от омерзения.

– Приятно, да? – усмехнулся Ушлепыш. – Сама ее туда выбросила.

– Блин, фу, – она отшагнула от вонючего контейнера и перевела на Ларионова примирительный взгляд. – Давай, я тебе деньги верну? Сколько она стоила?

Деньги – последнее, что хотелось отдавать, тем более она не знала, выделит ли мама такую сумму, особенно когда узнает, что она натворила, но копаться в мусоре ради этого Ушлепыша выходило дороже.

– Эй, народ, к нам, оказывается, сама Царевна-лягушка пожаловала. После болота брезгует в помойку лезть.

Толпа посмеялась.

– Не целуй ее Кен, в жаба превратишься, – в ломаном басе Лида признала Волка.

– Чур меня, Пах, и за полцарства не стану, – Ушлепыш ухмыльнулся, разглядывая Лидино лицо.

– Ты осторожно, Кен, близко не подходи, у жаб языки длинные, засосет, – крикнула какая-то девчонка. Лида не успела определить источник голоса, ведь все ее новые одноклассницы звучали одинаково пискляво.

Одноклассники опять разразились гоготом.

Любое упоминание лягушки в отношении нее Лиду триггерило. Но сейчас стыд парализовал. Она стеснялась себя, своего дурацкого лягушачьего рта, из-за которого ее гнобили, хотя ей просто не повезло в генетической лотерее. В отличие от Ушлепыша. Этот счастливчик, казалось, сорвал куш.

Все-то в нем было идеально. Даже торчащие уши вписывались, как литые. Придавали изюминки, но не портили. Скорее, все остальные с обычными ушами казались теперь ненормальными, слишком прилизанными. Очевидно же, бог задумывал людей именно такими, как Ушлепыш, и долго заставлял их эволюционировать до совершенства. Ушлепыш ушами как будто гордился, выпячивая напоказ.

– К сожалению, не настолько длинный у меня язык, чтобы достать твою толстовку, – Лида кивнула на контейнер.

– Лапками тогда работай.

– Тебе сложно новую купить? Эта все равно помоечная.

– Мне ее сам Сеньор Балу[4] расписал за победу в конкурсе, – Ушлепыш шагнул на нее грозно. – Знаешь, сколько его работы сейчас стоят? Хоть все органы продай, тебе не хватит.

– Сеньор Балу?

По контексту Лида догадалась, что так себя называл какой-то человек, вероятно, художник, возможно, даже известный, но она впервые слышала это дурацкое прозвище, иначе бы запомнила.

Ушлепыш помотал головой и посмотрел вроде и с разочарованием, но при этом ожидаемым.

– В твою дурку интернет, очевидно, не провели?

– Если ты так называешь Владивосток, то все там провели, – Лида отвернулась спесиво. – В интернете, знаешь ли, помимо твоего Балу много других, гораздо более интересных, вещей.

Пройдясь по ее фигуре оценивающим взглядом, он хмыкнул.

– Не хочу знать историю твоего браузера. Поберегу свою психику.

– Да иди ты, – Лида не нашлась что ответить, поэтому просто надулась. Она пользовалась интернетом, в основном для учебы и познания мира. Ничем таким, за что ей было бы стыдно перед бабушкой, она в интернете не занималась. Бабушка периодически проверяла историю Лидиного браузера и ни разу не поругала.

– Лезь давай, – он кивнул на контейнер. – Все равно другой такой толстовки ни у кого больше нет. Я ее ни на какие деньги не променяю.

Ушлепыш горделиво задрал голову. Лида задрала свою, чтобы оценить сложность задуманного предприятия. Контейнер казался неприступной скалой, а она никогда не умела лазать. В детстве всегда падала со всех заборов. На физкультуре едва сдавала норматив на десять отжиманий. Мышц не нарастила. Но Ушлепыш держал в заложниках бабушкин шопер. Выбора не осталось.

Лида подняла руки и зацепила края контейнера лишь кончиками пальцев. Она не то что подняться не могла, ей даже повисеть немного не удалось – пальцы соскользнули, соскребя жирную грязь с поверхности. Лида потерла ладони друг о друга, но налет остался. Еще повезло, что контейнер имел трапециевидную форму и к низу сужался, оставляя небольшое пространство для маневра.

Ушлепыш стоял над душой, давя на нее взглядом – под таким пространство для маневра сильно истончалось. Лида предприняла еще пару попыток залезть в контейнер, но силенок не хватало, как ни крути. Тем более что за последнюю неделю она плохо питалась и спала, физически не вывозила напряжения.

– Че встала? Перемена идет, – усмехнулся Ушлепыш, скрестив мощные руки на груди. У него-то мышцы бугрились под тонкой футболкой. Точно легко бы справились с этой задачей. – Давай шустрее.

Лида посмотрела на него исподлобья, изогнув бровь.

– Не видишь разве? Я подтягиваться не умею. Помощь нужна, – она глянула на железную громадину.

Ушлепыш сжал ее плечо – померил.

– Мм-да. Удивительно, как ты вообще выжила с такими лапками.

Лида одернула руку и оттолкнула его.

– Эти лапки много чего другого умеют.

– Например?

– Например, играть на пианино, – Лида задрала носик, а все равно выглядела жалко, глядя на него снизу. – А по помойкам лазать мне нужды нет. В отличие от некоторых. Не вижу смысла прокачивать этот навык.

– Ну вот теперь нужда появилась. Прокачивай.

– Как, блин? – Лида вспыльчиво раскинула руками и указала на крутую стену контейнера.

Ушлепыш посмотрел туда, потом на Лиду, снова оценивающе, но уже без усмешки, повесил шопер на плечо и поднял ее на руки, схватив за бедра.

– Эй! – она испугалась. И резкого рывка, и высоты, и неустойчивого положения обоих. Ушлепыш шагал то в одну сторону, то в другую, пока не нашел баланс. Затем подкинул ее слегка и обхватил обеими руками под попой. Одна, случайно или нет, пролезла под шорты справа. Лида носила плотные колготки, но прикосновение все равно ощущалось неприятным, точнее, сильно смущающим. – Не лапай меня, придурок!

Лида оттянула его за плечи. Ларионов оскалился и заглянул ей в глаза с упреком.

– Не льсти себе, пресмыкающиеся меня не привлекают.

– Лягушки – это земноводные, умник, – Лида даже не возмутилась. На такую глупость и смысла не было обижаться.

– Я про лягушек и не говорил, ты сама додумала, – выкрутился Ушлепыш, да еще такую ухмылку натянул, будто вышел из перепалки безусловным победителем. – Неважно. Мне ни те ни другие не нравятся.

– А мне не нравятся парнокопытные с рогами.

– Жаль, что я не такой.

Он снова пошатнулся. Она заерзала, но выбраться из его хватки не могла. Да и боялась просто рухнуть наземь, в грязь лицом.

– Поставь меня на место!

– Сперва достань толстовку.

– Как?

– Руками, блин! Хватать-то ты умеешь? Или только по пианино клацать?

Лида вдохнула побольше воздуха – по ощущениям так было легче держать равновесие.

– Лезь, – он подошел ближе к контейнеру.

– Как? Через тебя? – Лида потянулась вперед и даже ухватилась за борта контейнера, только опереться на них, чтобы поднять себя, не могла. Толстовка вроде лежала недалеко от края, но рукой она не дотягивалась. Зачем-то все равно попыталась – тщетно.

– Давай по-другому попробуем, – Ушлепыш резко ее опустил.

Лида ждала больного падения, уже зажмурилась, однако Ларионов спокойно поставил ее на землю. Сперва убедился, что она твердо стоит обеими ногами, лишь после распустил руки. Сердце вернулось на место, все еще стучась в грудную клетку, как бешеное.

Он присел на одно колено и сцепил ладони, сделав из них ступеньку. Поняв его задумку без слов, Лида наступила туда и почувствовала, как ее тащит наверх. Одной рукой она сразу схватилась за край контейнера и развернулась к нему передом. Нависла сверху и потеряла опору в ногах, начала барахтаться, пока Ушлепыш не подтянул ее за бедра. Наконец она забралась внутрь и свалилась на дурнопахнущие мешки.

– Фуу, – протянула недовольно.

– В следующий раз будешь внимательнее смотреть, куда бросаешь чужие вещи, – усмехнулся Ушлепыш.

Лида показала ему язык, пользуясь тем, что он не видит, и поползла к толстовке. Сперва хотела извозюкать ее в мусоре, чтоб от нее разило за километры, но вовремя остановилась, ведь это ей придется таскаться с вонючей тряпкой весь день, если она хочет получить шопер назад целым и невредимым.

– Есть, – воскликнула Лида, подняв добычу над собой.

Ушлепыш искренне обрадовался и выдохнул с облегчением, положив руки на пояс.

Она села на край контейнера, не решаясь спрыгнуть. Он смотрел с насмешкой.

– Че застряла? У тебя же лапки. Давай прыг-скок.

Лида простреляла его упрекающим взглядом и подняла худи над мусором, грозясь оставить ее там. Проглотив недовольство, Ушлепыш подошел ближе.

– Ладно, подстрахую, – он схватил ее за бедра и потянул вниз.

– Аккуратно! – завопила Лида, теряясь в пространстве.

От страха она обхватила его голову и вся сжалась. Пока не почувствовала на животе щекочущее дыхание. Не через водолазку, а кожей. Стретч-ткань задралась почти до груди, и нос Ушлепыша воткнулся под ребра.

– Отлипни! Ты мне в пупок дышишь! – она втянула живот и отпрянула, впившись в его плечи. Неровное дыхание все равно щекотало.

– Это твой пупок дышит в меня, – он откинул голову назад и ослабил хватку.

Невольно скатившись по его торсу, Лида уперлась мягкими ногами в твердую землю. Ладони оставила на его плечах, а глаза застряли на его губах, совершенно ровных, в меру пухлых, приятно гладких и неброско-розовых.

После вони помойки арбузный запах казался чистейшим кислородом, хотелось им дышать на все легкие взатяжку.

Ларионов замер. В аквамариновых глазах разрастались черные зрачки, словно пытались увидеть больше или поглотить. Лиде передалось его напряжение по вене к сердцу от безымянного пальца, которым она невольно касалась его открытой кожи на ключице. Волнение ощущалось как мурашки. Это ее напугало, но Лида не смогла одернуть руку, закаменела.

Из приоткрытых окон донесся грубый звонок. Лида с Ларионовым встретились взглядами и тут же разбежались. Он отшагнул, она отвернулась.

– Блин, физичка ругаться будет, – по лицу Ларионова проскочила досада. – Не потеряй.

Он встряхнул рукав толстовки, которую Лида прижала к груди, и рванул обратно по тропинке в школу, тряся на бегу ее розовым шопером.

Лида ломанулась следом. Не хотелось ему ни в чем уступать, но она едва поспевала. Ей мешал и собственный рюкзак, и объемная толстовка, которую она складывала на ходу.

Однако в груди полегчало. Непонятно, от чего. Просто весь этот скандал выжал из нее много эмоций. Она целую неделю не позволяла себе их выпускать, а тут они сами вырвались и отвалились, как балласт.

[4] Сеньор Балу — вымышленный всемирно известный стрит-арт художник, рисующий граффити

Глава 5. Цирк

Физичка их все-таки поругала за опоздание, но досталось в основном Ларионову. Пока его отчитывали, Лида успела вытереться салфетками.

За учительским столом сидела сухощавая женщина в строгом костюме из жилета и юбки-карандаш и выглаженной до совершенства белой блузке, аж стрелки на рукавах выпирали. На носу блестели прямоугольные очки. Волосы были собраны в зализанный пучок. Возраст Лида определить не смогла, ибо лицо выглядело моложавым, но не молодым.

– А ты, значит, новенькая? – сухой взгляд наконец коснулся Лиды. – Не водись с этим балбесом, научит тебя плохому.

Лида лишь усмехнулась про себя.

– Мы, вообще-то, из-за нее опоздали, – буркнул Ушлепыш.

Учительница вскинула брови и повторно осмотрела Лиду – провела переоценку.

– Чем вы занимались, такие растрепанные? – кокетливый тон совсем не шел к ее выжатому голосу. Зато в глазах закралось любопытство. Она даже очки приспустила. – Неужели тебя охмурили, наконец, Ларионов?

Лиду смутил этот взгляд и особенно зыркающие глазки одноклассников.

– Анна Романовна, вы же знаете, мое сердце принадлежит вам, – заулыбался Ушлепыш во всю пасть. Ушки прижал по-щенячьи. Ресницами хлопал.

«Хитрый жук», – Лида смерила его презрением.

– Ага, а еще Анастасии Максимовне, Людмиле Геннадьевне и всем, кто грозится влепить тебе трояк в четверти, – не повелась учительница.

– Не ревнуйте, Анна Романовна. Им я завещал селезенку и печень.

Одноклассницы похихикали.

– Садитесь, – приказала учительница.

Ушлепыш прошел к первому ряду и сел за вторую парту, за которой сидела не Няша, а другая девчонка, тоже милая, только без пафоса.

Лида посмотрела в угол – ее складное место осталось в кабинете биологии.

– Извините, мне нужно сходить за партой, – она попятилась к двери. – У меня она мобильная.

– Это как?

– Складная парта. Мне нужно переносить ее с собой из кабинета в кабинет.

– Тяжелая, наверное? – Анна Романовна снова переоценила Лидину фигуру, на этот раз слегка задрав голову и нахмурившись.

Лида пожала плечами.

– Так, выбирай парня в помощники.

– Какого? – растерялась Лида.

– Любого. И давайте быстро, а то задерживаете нас всех.

«Почему я должна выбирать? Назначила бы любого на свое усмотрение» – Лиде следовало поблагодарить учительницу за заботу, но она бесилась. И маму не забывала материть за этот казус с мобильной партой, из-за которой она теперь вечно будет ловить кринж.

Лида оглядела класс и ожидаемо не нашла поддержки ни в одном лице. Няша с Эльфийкой хихикали и шептались. Близняшки смотрели с сочувствием, то есть одна из, вторая осталась равнодушной, хотя и насмешки в ее глазах не было.

Сглотнув, Лида решила позвать одноклассника с крайней первой парты, чтоб далеко не ходить. За ней сидел странного вида парень в синем свитшоте с пиксельным принтом. Лида распознала в нем гика: равнодушное лицо, сонный взгляд, небрежный внешний вид. Он уткнулся в телефон и не поднимал заросшей головы. Лида поняла, что он, вероятнее всего,

изгой и не заинтересован ни в каких классных и внеклассных отношениях, потому вряд ли наблюдал за случившимся скандалом. Значит, не будет проявлять к ней враждебности. Тотальное безразличие – как раз то, что ей было нужно.

– Можно тебя попросить? – чтобы привлечь его внимание, Лиде пришлось коснуться его локтя.

Парень вздрогнул и поднял испуганное лицо. Лида и сама испугалась его лица, хотя толком и разглядеть не успела. Все внимание ушло на большое бурое пятно на щеке – показалось, гематома.

Он успел только хлопнуть глазами пару раз, как встрял Ушлепыш, сидевший за ним:

– Гляди, Мур, ты походу Царевне-лягушке полюбился, – на редкость пропорциональное лицо искривила пошлая ухмылка.

По классу опять поскакали смешки.

Услышав свое имя, Мур перевел на Лиду недоуменный взгляд, от неловкости даже челку зачесал набок и глазел во все орбиты. Щеки залились румянцем. Точнее, одна щека, та, на которой ничего не было. Вторую щеку и так заливало багровое пятно – точно не синяк, теперь стало ясно. Скорее всего, что-то врожденное. Не то чтобы оно уродовало парня, но хотелось его одновременно пристально изучить и поскорее отвести глаза. Заметив, как Лида разглядывает его пятно, парень снова опустил голову и спрятался за волосами.

– Это твоя царевна, Кен. Ты с ней и таскайся.

Лиду задело. Она-то думала, что хотя бы с изгоем класса найдет общий язык, но он, очевидно, предпочел быть на волне с остальными.

– Я ничья царевна. Просто попросила о помощи. Надеялась, ты джентльмен, – Лида выпрямила осанку, подняв свое достоинство, и отошла к двери.

Она опять закипала. Только думала, что успокоилась, но Ушлепыш нарочно выводил ее из себя. Смущение не отпускало. Они так легко разбрасывались шуточками о том, кто кому пара или не пара, а ей было по-настоящему стыдно, причем и за себя, и за них. Лида не знала, как себя вести и как реагировать на такие шуточки. Потому что у нее никогда не было отношений и не хотелось их заводить. И говорить об этом не хотелось. Вообще никак этого касаться. Тем более, быть зашипперенной с Ушлепышем или даже с Муром. Романтику Лида сама себе запретила, ведь обещала бабушке не быть как мама.

– Мур, для тебя мне ничего не жалко, забирай ее себе, – посмеялся Ушлепыш. – Вот тебе еще приданое.

Он вывалил на парту содержимое Лидиного шопера: тетрадки, ручки и прочую канцелярию. Кто-то где-то посмеялся. Мур обернулся на него, взглянул на предложенную кучку и помотал головой.

– Обойдусь, – сразу прижался к парте сильнее.

– Че не нравится? Новье, Эрик Краузе, – Ушлепыш продемонстрировал «богатства» всему классу. – Пацаны, кому приданое? Правда, придется сосаться с лягушкой.

Лида вспыхнула одновременно от смущения и от гнева. Похабщина резала уши.

Класс захохотал. Множество голосов разошлись громким гоготом по маленькому кабинету, словно табун пробежал. Лида залилась краской, сжимая лямку рюкзака. Ржущие пасти новых одноклассников окружилиее, как в безумном кошмаре. Их головы искажались в перспективе, закручиваясь в воронку, а смех отдавался эхом где-то внутри черепа, бил по перепонкам, вискам, сердцу. В самое солнечное сплетение. «Позор» – прокручивался в сознании красный транспарант.

– Так, закончили цирк! – не выдержала Анна Романовна и провела взглядом-лазером по ученикам.

Все голоса моментально стихли, но ухмылки поблескивали тут и там. Лида ни на кого не смотрела, чтобы не напороться на острую усмешку.

– Я сама справлюсь, – сказала это учительнице и взялась за ручку двери.

– Стой. Так пол-урока прогуляешь, – цокнула Анна Романовна и грозно приспустила очки. – Мда, мальчики, кем вы растете? От тебя, Ларионов, вообще не ожидала. Верни девочке вещи. И садись сюда, – она выдвинула стул из-под своего стола, как бы уступая его Ушлепышу. – Ты у нас любишь быть на виду. Мое место как раз для тебя. А Лида сядет на твое, с Таней.

Она кивнула на блондинку с анимешными глазами и красным толстым ободком на голове, что прижимал и без того привязанные к коже африканские косички. Таня носила свободный свитер со спущенным плечом грязного цвета и массивные серьги с этническим узором. Натянув улыбку до ушей, она помахала Лиде в знак приветствия. Лида всегда настороженно относилась к людям, которые проявляли излишнюю радость при знакомстве, хотя пухлые щеки Тани обещали добродушие.

– Я знал, что вы ко мне неровно дышите, Анна Романовна, – усмехнулся Ушлепыш.

– Живо! – строгим взглядом она добавила приказу силы.

Ушлепыш без особого сопротивления поднялся. Лида двинулась ему навстречу. Они столкнулись между рядами, потому что этот переросток занимал проход полностью. И никто не хотел уступать.

– Может, подвинешься? – Лида подняла бровь.

– Может, сама?

– Я и так плоская, – она скрестила руки, добавив себе недостающего объема в груди. Минусы свои Лида знала и иногда предпочитала их открыто обозначать, на опережение, чтобы другие не думали, будто она из-за этого комплексует.

Ушлепыш спустился по ее фигуре взглядом.

– Выпуклостей в тебе достаточно.

Лида покрылась жирным смущением, будто в масле искупалась.

– Ооо, – раздалось сразу несколько мужских голосов.

– Хватит, – попыталась встрять учительница, но общий гул заглушал ее голос.

– Это комплимент от шефа! – воскликнул Волк, радуясь непонятно чему, но по-детски искренне.

Высунув чупа-чупс, Няша возмущенно открыла рот:

– Ха.

И вроде, действительно, прозвучало не как унижение, но Лида чувствовала себя еще ужаснее, чем когда ее называли лягушкой. Лицо тлело, уши отваливались, аж губы зудели. Лида их чесала зубами, погружаясь в бездну аквамариновых глаз. Ушлепыша ничто не напрягало. Он спокойно откинул плечо и повернулся полубоком, тем самым дав Лиде пройти. Она сглотнула, вжала голову в плечи и поскорее села за парту.

– Так, затихли, начинаем урок, – не дождавшись, пока Ушлепыш усядется за ее столом, сказала Анна Романовна и принялась чиркать мелом по доске.

– Не обращай внимания, ребята просто рофлят, – шепнула соседка, когда все более-менее улеглось, и класс вроде бы переключил свое внимание на доску, на которой учительница рисовала непонятные формулы.

Лиде потребовалось пару секунд, чтобы вспомнить имя девушки – Таня.

«Просто рофлят», – с обидой повторила про себя Лида. Конечно, им было смешно. И Таня вряд ли понимала, какого это, когда рофлят над тобой, особенно незаслуженно.

– Спасибо тебе за мини-стриптиз Кена, – поиграв бровями по очереди, хихикнула Таня Лиде в ухо. – Это от всех девчонок, от души.

Лида прищурилась на соседку. Внешне Таня не походила на кокетку, скорее, на оторву, которая своя пацанка среди юношеских торсов. Но внешность часто обманывала.

На Лидин взгляд, здесь все были какие-то безумные, а Ушлепыш *ее*называл конченой.

Старые одноклассники теперь казались в разы адекватнее и как будто взрослее. Возможно, просто давно друг друга знали. Все подколки сгенерировали еще до восьмого класса, с тех пор лишь повторялись. И в целом успокоились. Класс разбился на компании по интересам, которые почти не пересекались, не тусовались вместе вне школы и даже не конфликтовали, оттого и юмор не заходил на всех разом. А тут все дружно поддакивали Ларионову.

– И насчет рисунка не парься. Кен всех так расписывает. Паша – волчара, близняшки – белочки, Овсянников – конь, а я – капибара, – продолжала шептаться Таня, показывая на каждого пальцем.

Капибара? А похожа…

Лида сама бы ни за что не смогла сообразить, кого Таня ей напоминала, но когда она сама это озвучила, тут же убедилась в правильности сравнения.

– У нас тут целый зверополис, – Таня украдкой поглядывала на увлеченную темой Анну Романовну. – Кен канал ведет в телеге, где публикует всякие мемы про школу, учеников, учителей. Подпишись, интересно. Вся школа в нем сидит. Все горячие сплетни там обсуждают.

Она открыла на смартфоне мессенджер. В закрепленных диалогах висел канал «КенРис», больше тысячи подписчиков.

– А не боитесь, что я маме солью?

Таня застыла, как пойманный воришка, даже палец от экрана не оторвала и медленно повернула голову на Лиду с плохо скрытой опаской в выпученных глазах.

– Расслабься, мне самой это невыгодно, – Лиде хотелось избавиться от затянувшейся неловкости.

Анна Романовна стрельнула в них взглядом и заставила отложить смартфон за учебник. Таня прижалась к парте и продолжила шепотом:

– Хотя, наверное, твоя мама уже там сидит и другие учителя тоже, просто под прикрытием.

Лида хмыкнула. Ознакомиться с каналом Ушлепыша решила дома, в спокойной обстановке, чтобы он случайно не заметил и не подумал, будто ей интересно его творчество. Хотя рисовал он умело. Было в нем, значит, что-то положительное, как минимум талант.

Подняв голову, Лида заметила, как Ушлепыш подмигивает кому-то, и проследила за его взглядом – там ему улыбалась Няша. Они вели бессловесный разговор на своей волне. Няша игралась с чупа-чупсом, а Ушлепыш кокетливо поднимал брови и ухмылялся, ничуть не краснея.

«Герой-любовник», – с презрением подумала Лида. И тут же себя вдогонку укорила, что, вообще-то, они встречаются и имеют полное право заигрывать друг с другом. В памяти всплыл некстати странный вопрос Анны Романовны в начале урока: «Неужели тебя охмурили, наконец, Ларионов?». Звучало так, словно девушки у него не было. Впрочем, учительница могла и не знать. Ушлепыш ведь не обязан всем докладывать, кто его девушка и есть ли она вообще. А судя по тому, сколько кокетства позволяла себе Няша, они точно состояли не в дружеских отношениях.

Только когда Ушлепыш посмотрел ей в лицо, Лида осознала, что пялилась на него. Аквамариновые глаза прищурились, в них мерещилась ухмылка. Лида молниеносно перевела взгляд на доску за ним, чувствуя, как густеет румянец на щеках, и крепче сжала ручку в кулаке.

Лида считала секунды до окончания второго урока, потому что голод резал желудок. Она вчера отказалась от заказанного мамой из ресторана ужина. После долгого перелета сил не осталось даже поесть. Да и аппетит всю неделю отсутствовал, а сейчас как проснулся. Лиде казалось, она готова поймать быка и на месте зажарить. И косточки бы не оставила.

От представления о жареном мясе живот заурчал громко. На весь класс, как раз когда они выполняли письменное задание, то есть в полной тишине.

– Что за звуки? Как на болоте, – заметила Эльфийка, сидевшая на той же по счету парте, только в соседнем ряду, через проход.

Она усмехалась зелеными глазами. Лиде хотелось выцарапать ей веснушки, а самой выброситься в окно, в контейнер с мусором, лишь бы уехать отсюда. Реагировать было себе дороже. Каждый ее ответ вызывал бы еще большую волну издевок.

– Кен, это Жаба тебя зовет, – посмеялся парень, сидевший рядом с эльфийкой, которого Таня назвала Овсянниковым. Лида видела лишь его лохматую русую макушку.

– Спариваться, – добавил Паша-Волк.

Табунный ржач пронесся по классу.

– Тихо, – пригрозила Анна Романовна.

Ушлепыш поднял голову, чуть выше, чем требовалось – выказывал свое превосходство. Взглядом не сразу обнаружил Лидино лицо, а когда нашел – впился в него всем своим презрением и заявил:

– С чего вы взяли, что она меня зовет? Может, общий клич бросила, кто отзовется.

Весь класс опять заржал, а Лида сжала ягодицы, чтоб хоть как-то удержать себя от приступа бешенства. Хотелось вырвать Ушлепышу поганый язык.

– Как вам не стыдно?! – возмутилась Анна Романовна. – Затихли все. Работаем.

– Хватит! – не послушав учительницу, Лида поднялась. – Я это терпеть не буду. Я вам не лягушка, и никакие спаривания меня не интересуют. Занимайтесь этими глупостями между собой. А меня оставьте в покое.

Все замолкли и вылупили на нее глаза. Даже Анна Романовна. Только Ушлепыш не растерялся, взял смартфон и поднес микрофоном к лицу.

– Джипити[5], переведи на человеческий, что она там проквакала.

Кабинет снова наполнился издевательскими смешками. Даже Таня не удержалась и хихикнула, правда, тут же накрыла рот рукой.

Лида сжала кулаки. Аквамариновые глаза нахально смеялись ей в лицо, торжествуя. Ответить ей было нечего. Фыркнув, она выбежала из кабинета.

[5] Джипити – обращение к нейросети ChatGPT (чат ДжиПиТи)

Глава 6. Несправедливость

До конца урока оставалось еще минут пятнадцать. Лида шла по пустому коридору, прислушиваясь к эху своих шагов. Злость бурлила внутри. Она проклинала Ушлепыша, маму, школу, весь этот город, а затем и мир. За его несправедливость и жестокость.

Больше всего досаду вызывало собственное бессилие, неумение всегда стойко держать удар и ядовито отвечать. Она перекручивала тираду, которую выдала. Сама над собой смеялась теперь. Надо было унизить Ушлепыша и всех остальных какой-нибудь колкостью, а она зачем-то решила сказать все как есть. Разумеется, ее не поняли, только посмеялись, потому что с этими придурками нельзя было адекватно. Они понимали лишь сарказм, жесткость, ехидство.

Чем больше Лида анализировала сегодняшний день, тем злее становилась. Почти искрилась. Ей требовалось куда-то излить разбушевавшуюся энергию. Обычно спасало пианино. Пальцы так и просились в пляс по клавишам.

«Здесь ведь должен быть музыкальный класс», – озарилась Лида и отправилась искать кабинет с инструментами. Нашла такой на первом этаже в выпирающем из здания ножкой «Т» отсеке. Класс был занят. Дети пели хором под аккомпанемент. Зато рядом Лида обнаружила актовый зал. В ее школе в таких проходили все общие мероприятия, и там всегда имелась сцена с оборудованием.

Дверь легко поддалась и открылась. Метнув взгляд по длинному ряду кресел к сцене, Лида сразу приметила то, что ей было нужно.

На сцене стояло красивое черное пианино. Блестящее, с четкими контурами, гордое – наглядная роскошь.

Лида не удержалась и погладила крышку перед тем, как начать играть, – хотелось прикоснуться к прекрасному. Затем опробовала клавиши, оценила их плавный ход и глубину звучания струн. Акустика возвращала усиленный звук.

Злость как ветром сдуло. Лида сконцентрировалась на нотах и начала играть. Но не то, что хотела, пока рыскала по коридорам. Из нее сам собой лился Nocturne Pour Tamaki [6] – саундтрек к старому аниме, которое Лида смотрела, когда училась в первом классе музыкальной школы, а сыграть его смогла впервые лишь пару лет спустя. Эта музыка лучше всего подходила для успокоения и грусти. Она высасывала тоску из груди и приносила покой.

Лида часто ее играла для бабушки. Больная, лежа в постели, та просила эту мелодию, говорила, что музыка целебная и избавляет от боли. Тогда Лида не понимала, а теперь чувствовала. В ней все притуплялось, заглушалось аккордами, смывалось звуковой волной начисто.

– Лида? – в актовый зал заглянула мама.

Лида тут же захлопнула крышку пианино и обернулась.

– Почему ты не на уроке? Что случилось? – завладев ее вниманием, мама уверенно вошла внутрь.

– Ничего, – Лида поднялась и спустилась со сцены, разминая пальцы – они соскучились по клавишам. – Я вышла в туалет, но на обратном пути увидела пианино и не удержалась.

Лида надеялась, что врет убедительно. Все-таки мама не бабушка, которая всегда знала, как ее раскусить. Мама склонила голову вправо, молча глядя в лицо.

– Анна Романовна мне донесла, что ты сбежала своевольно.

Лида опустила виноватый взгляд и спрятала руки за спину, а про себя досадовала: «Как неудобно. Здесь я под тотальным присмотром».

– Ларионов тебя вывел из себя? – мама вроде спрашивала, но Лида решила, что это больше утверждение, поэтому отвечать не стала. И глаз не поднимала. – Я с ним поговорю.

Мама решительно направилась обратно к выходу.

– Не надо! – злость снова в Лиде проснулась, словно из ниоткуда, зато моментально. Мама остановилась и развернулась к ней полубоком. – Я сама справлюсь. Это мелочи.

– Это буллинг. Я такого не допущу в своей школе и тем более в отношении своей дочери, – мама перекрестила руки и нервно вздохнула, почти всхлипнула.

– Ой, перестань, – Лида закатила глаза. – Звание лучшей матери тысячелетия тебе все равно не светит.

Маму задело. Секундная обида проскользнула в мимике, но вспышка быстро угасла. Лида почувствовала легкое торжество. Ей нравилось ранить маму. В этом виделась справедливость, не полное возмездие, но заслуженные крупицы страданий, доставляющие истинное злорадство.

– Я не ради званий это делаю, а ради тебя. Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

– Тогда зачем забрала меня? Мне *там* было хорошо.

– Как бы ты одна жила? – возмущенное лицо ответило за маму красноречивее.

– Как бы ни жила, все лучше, чем с тобой, – процедила Лида и вышла из актового зала. Как раз прозвенел звонок на большую перемену.

Лида специально немного погуляла по коридорам школы – дожидалась, когда одноклассники покинут кабинет физики, чтобы спокойно забрать свои вещи.

Но на первом этаже Лиду поймала Таня.

– О, ты тут, держи, – всучила ей рюкзак и пакет с толстовкой Ушлепыша, который явно добавила от себя, потому что у Лиды не было пакетов.

– Спасибо, – опешила Лида.

– Не за что. Пойдем в столовку, я тоже голодная, – взяв ее под локоть, Таня завернула к лестнице.

Лида растерялась от внезапной близости, но одернуть руку не решилась.

– Танек, возьмите нас с собой!

Сзади подбежали близняшки. Обе высокие и прямые. Даже одежду они носили одинаковую: бесформенные свитшоты поверх белых рубашек и синие джинсы-колокола, а на ногах – красные кеды. Было в них что-то андрогинное и оттого загадочное.

– Привет! Мы Маша и Даша, – сказала та, что стояла справа и улыбалась шире. На имени «Даша» она показала на сестру.

– Привет, – махнула рукой вторая, быстро смяв свою улыбку. Ее голос звучал грубее, чем у сестры, но не тоном, а интонацией.

Лида переводила внимательный взгляд с одной близняшки на другую и обратно, пыталась зацепиться за что-нибудь, что помогло бы их различать. Нашла родинку на шее у Даши. У первой такой не было.

– Лида, очень приятно, – кивнула она.

Девчонки вызывали приятность, даже если Лида сопротивлялась этому восприятию. Они казались легкими и как минимум не высокомерными. Или потому что имели красивые лица, правильные и аккуратные, что-то между Эммой Уотсон и Натали Портман. Лида всегда побелому завидовала таким девушкам, кому повезло с внешностью, но которые не выпячивали это в качестве главного своего достоинства.

– Ты боевая, – без толики сарказма сказала Даша, с родинкой.

– Так круто ворвалась в наш класс, – хихикнула Маша.

– Или, скорее, в жизнь Кена, – вставила Таня.

– Это он в мою сперва ворвался. На своем скейте, – вздохнула Лида, поняв, что не избежать обсуждения этой темы. – Я бы его не трогала, если бы он не испортил мою вещь.

Так, вчетвером в ряд, они пошли по светлому широкому коридору, в который из кабинетов вываливали целые классы разных возрастов. Школа вроде была не очень большой, но учеников здесь ходили толпы. Пространство быстро заполнилось детьми и подростками, став уже

и теснее. Таня с близняшками знаючи провели Лиду по всем коридорам, спустили на цокольный этаж и там завели в уголок с прямой надписью над арочным входом: «Столовая».

Большое помещение, хорошо освещенное, совсем не походило на подвальное. Зал пронизывало несколько толстых и круглых колонн, но места и с ними хватало. Вся кухня и витрина с блюдами начинались сразу от входа, слева, а правую, большую, сторону занимали столики разных калибров, иногда окруженные стульями, иногда – скамьями, а где-то – и диванами. В центре стоял круглый стол, как для переговоров или мастер-классов.

В столовой превалировала морская тематика. Вся мебель была обита синей кожей, стены – выкрашены в голубой. И повсюду на стенах висели ракушки, кораблики, спасательные круги. Картины тоже изображали море.

Лиде здесь понравилось. Немного не в стиле всего остального здания, зато уютно.

Первым делом она помыла руки. Умывальники удобно находились в углу от входа. После помойки хотелось проваляться в ванной не меньше трех часов, но сбегать с уроков ради такого Лида не могла себе позволить. Да и расслабиться в чужой ванне, пусть и шикарной маминой, у нее бы вряд ли получилось.

Народ уже заполнил столовую и продолжал напирать сзади.

– Здесь есть комплексные обеды, – сказала Таня, показывая на маленькую доску, стоявшую на одной из витрин, на которой мелом от руки написали состав бизнес-ланча.

Лида слопала бы сразу три, но бабушка с того света явно за ней следила и поругала бы за такое обжорство. Она решила обойтись одним блюдом, зато взять побольше мяса. В итоге купила гречку с двумя котлетами да сэндвич с сыром. Таня обедала кофе с круассаном, хотя ее взбитая комплекция, казалось, требовала чего-нибудь посущественней. Близняшки выбрали грибной суп.

Они нашли удобный столик за колонной, между двумя большими группами с диванчиками. Спинки диванов служили естественными перегородками и хотя бы частично закрывали от остальных. Столик был рассчитан на троих, но они и вчетвером расположились с комфортом, позаимствовав один стул у соседнего столика, который пустовал.

Лида первым делом набросилась на котлеты, а Таня не торопилась есть, начав с кофе. Близняшки хлебали суп, почти синхронно. Их как будто с детства дрессировали отражать друг друга во всем.

– А ты из какой школы к нам перевелась? – наконец, спросила Таня, плюхнув в кофе уже третий по счету кубик рафинада.

Ответила Лида с задержкой, сперва опустошив набитые щеки.

– Из Владивостока.

– Вау! А как так получилось, что ты жила во Владивостоке, а Анастасия Максимовна здесь? – удивилась левая близняшка. Вроде Маша. Или Даша. Место родинки накрыл стоячий ворот рубашки, поэтому Лида не смогла определить, кто из них кто.

Все трое смотрели на нее с искренним любопытством и, кажется, совсем не понимали, что лезут не в свое дело. Только за Танины карамельные глаза Лида решила ответить.

– Я жила с бабушкой.

– Вот как, – поджала губы Даша. Лида наконец увидела у нее родинку на шее. Она сидела справа.

Все притихли ненадолго. За паузу Таня успела наполовину опустошить кружку, а близняшки – докончить суп. Лида расправилась с целой котлетой, зато гречка плохо лезла в горло. Оказалась слишком сухой и твердой.

– Анастасия Максимовна с пятого по восьмой у нас классной была, – продолжила Таня. – Мы даже не знали, что у нее есть семья.

– У нее и кольца на пальце нет, – перехватила Маша, удивляясь своим же словам.

За ней продолжила Даша более скупым тоном и без всяких гримас на лице.

– Все в шоке были, когда появилась ты, сразу взрослая дочь.

– Бабушка… – Лида прокашлялась, чуть не подавившись гречкой. – Бабушка умерла, и ей пришлось меня забрать. Больше некому.

– Соболезную, – неравнодушно отозвалась Таня.

Близняшки просто смотрели. Маша корчила личико в странной гримасе, типа сочувственной, в которую Лиде не верилось. А Даша держалась ровно, и ей верилось охотнее. Лида была убеждена, равнодушие – это максимум, на который ей можно здесь рассчитывать. Поэтому всему, что сверх, относилась скептически. Даже если Таня и Маша пытались уверить ее в своей искренности.

– Спасибо, но… не надо соболезнований. Все умирают. Это нормально, – выдавила Лида, чтобы разбавить атмосферу за столом, и опустила взгляд.

Смерть бабушки в эту стандартную модель не вписывалась. Да, она последние несколько лет болела, чувствовала себя все хуже и хуже, и ее кончина не стала неожиданностью, а все равно… Лиде виделась в этом несправедливость. Если не всеобщая, то по отношению к ней. Ведь она бы предпочла смерть матери, нежели бабушки.

Словно из воздуха, перед ними появилась высокая фигура с ушами.

– Слышь, новенькая, дай свой номер, – Ушлепыш нагло придвинул к ним соседний стул и сел рядом с Лидой, положив руку с телефоном на стол.

[6] Nocturne Pour Tamaki – саундтрек к аниме Ouran Host club. Автор – Есихиса Хирано

Глава 7. Знакомая боль

«К мамочке наверняка побежала, неженка», – думал Кен, глядя в закрытую дверь кабинета, которой только что хлопнула новенькая.

Она его прям выбесила – это редко кому удавалось, а у нее получилось залихватски, с наскоку. Хотелось ее уколоть посильнее, чтоб знала свое место, но новенькая наотрез отказывалась его занимать. Кен не мог не признать – достоинством она обладала сильным. Он привык, что ему легко сдавались, будь то девчонки или парни. Уже и забыл, каково это – отстаивать авторитет, потому что давно никто не ставил его под сомнение, класса с восьмого точно. Из-за новенькой он тоже вряд ли бы пострадал, но внутри Кен чувствовал себя проигравшим.

Про перевод с лягушачьего он неудачно пошутил, да и про общий клич тоже. Вышло оскорбительно. Ему просто хотелось избавиться от неловкости, в которую его вогнали одноклассники, откровенно сводившие их с новенькой.

Его много с кем сводили, Кен и сам частенько подыгрывал этим шуточкам и с девчонками флиртовал забавы ради, но тут была очевидно обратная ситуация, оттого и глупая. Поэтому от прямоты новенькой ему сделалось только хуже – смущение засело шилом в заднице. Новенькая не пыталась отвечать колкостью на колкость, а просто сказала, что не потерпит издевок в свой адрес. Вышло коряво, зато честно. И вызывало уважение.

Весь оставшийся урок Кен думал о ней. О том, какая она несуразная, сама мелкая, зато косы отрастила крупные. Казалось, у нее руки были худее этих кос. Цвет глаз он толком не смог разглядеть, хотя видел их вблизи. Просто тогда губы заняли все его внимание: тонкие, растянутые, с плавным контуром. Она реально походила на лягушонка, еще не окрепшего, но уже бойкого. Такую необычность хотелось воспроизвести, то есть запечатлеть.

Кен перманентно искал в прохожих интересные черты, подмечал удачные недостатки, запоминал нестандартность. Чаще у человека была какая-нибудь одна особенность, а в новенькой собралось сразу все: и глаза (явная смесь европейского и азиатского типов, притом ни то и ни другое), и носик (незаметная пипка на фоне всего остального), и губы (что-то совсем своеобразное), и слишком правильный треугольник лица, и даже темная шевелюра, которой наверняка можно было бы гордиться, но новенькая зачем-то прятала ее в косички. Ему бы хотелось посмотреть на нее с распущенными волосами.

Лишь звонок вернул его в реальность. Не успел Кен собрать вещи, как Бесяктриса зашла за ним и отвела в свой кабинет. Одноклассники провожали их любопытными взглядами.

Бесяктриса выглядела хмурой. До кабинета директора они шли молча, продираясь сквозь толпы крикливых и суетливых учеников. А там, оказавшись в тишине, оба замерли у двери, пока Бесяктриса не опомнилась и не приказала Кену сесть в «лобное» кресло, как его называли ученики. Оно стояло вроде как у директорского стола, но чуть поодаль, в центре кабинета, одно-одинешенько. Сидя в таком под суровым взглядом Бесяктрисы в абсолютной тишине, можно было признаться в чем угодно.

Кен плюхнулся в него и сразу принял защитную позу: чуть спустился по спинке, задрал подбородок, скрестил руки, зато раздвинул широко ноги – по-пацански вызывающе.

Бесяктриса бросила в него усталый взгляд и вздохнула. Вся грозность тут же испарилась из ее фигуры. Плечи округлились, морщинки на лбу разгладились, пальцы разжались, хотя она по-прежнему держала их сцепленными на столе.

Изучая ее лицо, Кен нашел некоторые сходства с новенькой. Как минимум рот той достался от мамы. Только у Бесяктрисы губы были полнее, оттого и лягушачьими не казались с первого взгляда.

– Может, начнете уже? А то я еще поесть хочу успеть, – Кену показалось, что их молчание длится слишком долго, как в плохо продуманной боевой сцене – эффект слоумо.[7]

Это чуть расслабило Бесяктрису. Она хмыкнула и откинулась в тронообразном кресле с высокой спинкой, которое являлось самым роскошным элементом ее в целом скромного кабинета.

– Просто не знаю, с чего начать, – призналась Бесяктриса.

– С главного, – Кен пожал плечами. – Вы же о дочери своей поговорить хотели.

– Действительно, – у нее поднялись брови. Внутренний эстет в Кене бунтовал против того, как неправдоподобно она их рисовала: жирной сплошной такого коричневого цвета, какими волосы в естественных условиях никогда не бывали.

Бесяктриса снова собралась и положила руки треугольником на стол.

– В общем, я хотела тебя попросить… – она опять зависла.

Кену заранее не нравилось то, что последует дальше. Ему вообще вся эта ситуация с новенькой не нравилась. Было слишком много непоняток. Откуда она взялась? Почему? И именно сейчас под конец года, а в их случае – вообще школы. Тут Последний звонок на носу висел, а там – экзамены. Кто нормальный будет переводиться в такой период?

Очевидно, новенькая была ненормальной, и мамаша ее тоже, как выяснилось.

Но Кен ничего не высказал. Если бы не испачканная толстовка, его бы это все не касалось. Меньше всего ему хотелось вписываться в какую-нибудь историю. Надо было экзамены сдать так, чтоб не стыдно предъявить отчиму результаты, особенно по русскому, иначе прощай учеба в Риме. Все остальное только мешало.

– Кеша, – выдохнула Бесяктриса, – прости Лиду за кофе и кофту. Она сейчас переживает тяжелый период. Обычно она очень спокойная и воспитанная девочка.

Кену не нравилось, когда его называли Кешей, но извинений он точно не ожидал, поэтому прислушался, став серьезнее, даже приподнялся в кресле.

– Сам понимаешь, новая школа, переезд – это уже большой стресс, тем более перед выпуском, – Бесяктриса заглянула Кену в глаза, ища там сочувствия, но пока он выражал лишь скептическое любопытство. – А еще у нее всего неделю назад умерла бабушка.

«Та самая, что связала шопер, значит, – вспомнил Кен. – Вот чего она так взбесилась».

Это немного оправдывало неадекватное поведение новенькой. Кен смягчился и уже было хотел сказать, что все по-человечески понимает и не будет больше тормошить директорскую дочку. Ему и так не хотелось ее трогать. Если бы она не облила его кофе, он бы ее даже не заметил.

Однако Бесяктриса не закончила, странно смутилась и спрятала взгляд.

– Лида очень любила бабушку. Та ее воспитывала. Вместо меня.

– Оу, – вырвалось из Кена.

Теперь стало ясно, почему новенькая приехала из Владивостока, когда Бесяктриса жила все это время здесь.

Мама с отчимом иногда обсуждали Бесяктрису, называли ее несчастной женщиной, но Кен не вслушивался и потому не запомнил почему. Помнил только то, что его удивило – возраст. Когда отчим утверждал Бесяктрису на должность, ей исполнилось тридцать два. Для директора она казалась очень молодой, даже сейчас, в свои тридцать пять, хотя выглядела на все сорок пять. Кен и думал всегда, что она старше.

«Стоп. Тридцать пять? А новенькой сколько? Семнадцать-восемнадцать наверняка, как всем нам. Бесяктриса типа родила дочь в таком же возрасте?» – дошло до Кена.

Ему в эту пятницу исполнялось восемнадцать, но он до сих пор не ощущал себя полноценным взрослым, каким считался по закону.

«Она хоть школу тогда окончила?» – он покосился на Бесяктрису с недоверием, даже если и так было ясно, что директор не только школьный аттестат, но и диплом о высшем педагогическом образовании получила.

Выходило, мать бросила единственную дочь ради учебы и карьеры. Кену еще больше стало понятно про новенькую, почему она такая истеричная. Знакомая боль.

Его так, ради свободы и творчества, бросил отец. Кен бы до сох пор на это обижался, если бы не появился отчим и постепенно не заполнил собой пустоту, оставленную родным отцом. Отчим воспитывал его с десяти лет, пока отец где-то бродил по свету в поисках вдохновения, тысячи новых муз и славы. Без обузы, которой мама не захотела быть, отец построил успешную карьеру фотографа и теперь ездил по миру с выставками. Об утраченной семье явно не жалел. Кен когда-то следил за его соцсетями, а потом и думать о нем перестал.

– В общем, я хотела тебя попросить быть с ней… помягче как-то, – Бесяктриса сама замялась, наклоняя голову то в одну сторону, то в другую. – Не травите ее, пожалуйста.

Глазами она умоляла. Кен увел свои в потолок.

– Да надо оно мне? Толстовку вернет чистой и перестанет для меня существовать.

Бесяктриса с облегчением улыбнулась. Она всегда считала, что все плохое в их параллели происходит с его подачи, хотя Кен никого не буллил, не считал для себя нужным самоутверждаться таким унизительным способом. Он просто не встревал в девчачьи разборки, бессмысленные и беспощадные, которые порой доходили до драк. Девчонки почему-то считали, что делят его, а Кена тупо не интересовало, кто, зачем и как. Его сердце не отпускала Кристина, как бы они ни притворялись, что не испытывают друг к другу чувств.

– Было бы здорово, если бы ты проявил дружелюбие и помог Лиде влиться в коллектив, – директор явно наглела, и Кен попытался остановить ее взглядом, но она сделала вид, что не уловила. – Уверена, ей сейчас нужно отвлечься, обрести новых друзей. Я знаю, если ты проявишь к Лиде симпатию, то и ребята вслед за тобой…

– Вы адекватная? Мне типа встречаться с ней, лишь бы она в депрессняк не впала?

– Да я не о том говорю! – невинно возмутилась Бесяктриса. – Не надо с ней встречаться! Я обычную приветливость имею в виду. Прояви к ней приятельское внимание. Все увидят, что ты с ней дружишь, и тоже примут ее.

– И в чем моя выгода? Я не горю желанием с ней дружить.

– Я закрою глаза на твое мелкое творческое хулиганство и поговорю с Раисой Филимоновной, чтобы она не ставила тебе двойку в четверти. До Михаила Васильевича вся эта ситуация не дойдет.

Кен еще ни разу не видел на лице Бесяктрисы такой улыбки, одновременно заискивающей и милой, при этом искренней. Она, правда, надеялась на него. Кен позавидовал Лиде – мать, быть может, и бросила ее, но продолжала за нее переживать. В отличие от его отца.

Предложение звучало заманчиво. Конфликт с русичкой достиг апогея и требовал урегулирования. Нарисовав тот граффити на плацу, Кен пошел на отчаянный шаг. В моменте был зол и ни о чем не думал, но наутро испугался, что отчиму доложат. Хоть Кен и не выбирал себе дислексию, а Раиса Филимоновна никак не могла это принять и тупо упрямилась, сейчас виноват был он. Отчим бы его не понял.

– Окей. Идет, – Кен поднялся и протянул Бесяктрисе ладонь.

Немного опешив, она твердо ее пожала и, не отпуская, сказала:

– Я очень рассчитываю на тебя, Кеша. Лиде сейчас нужна поддержка. Давай без подвохов, хорошо?

– Вы же знаете, я держу слово, – Кен высвободил руку и вышел из кабинета, не оглядываясь.

Пока шел по коридору, пытался придумать, как же так аккуратно проявить дружелюбие, чтобы новенькая не приняла это за подкат и не втрескалась в него на этой почве.

Кен на автомате флиртовал со всеми. Это немного разгружало от вечной неудовлетворенности и нехватки Кристины и, как ни странно, защищало от навязчивого преследования остальных девушек. Девчонки получали свои дозы его внимания и не посягали на большее. Все

знали, что он общался так с каждой. Все друг другу они были соперницы и тратили энергию на выяснение отношений между собой, а его особо не трогали.

Но с новенькой у них сразу не задалось. И будет странно, если он вдруг начнет с ней общаться приветливо.

Бесяктриса, блин, подкинула задачку.

Первым делом Кен решил заиметь ее номер и добавить в классный чат вперед старосты, но главное, во внеклассный чат, чтоб показать всем сразу – новенькая не изгой, а то там уже успели обсудить ее с ног до головы. И то, откуда она такая вылупилась, и то, что она дочь Бесяктрисы, и то, как странно себя вела. Красавицы типа Клавы и Аленки придирались вообще ко всему. Их не устраивал разрез ее глаз, смешила нестильная одежда, дурацкий шопер с Мулан вызывал недоумение.

Новенькая и у Кена вызывала недоумение. Он не знал, как к ней подступиться, хотя всегда раньше ему такое давалось легко, особенно с девушками. Потому решил действовать в моменте, как само пойдет, на интуиции.

[7] Слоумо, или слоу-мо, - это эффект замедления времени на видео, который часто используется в кино и на видео для создания драматического или выразительного эффекта. В замедленной съёмке, или слоу-мо, движение объектов на видео выглядит медленнее, чем в реальности.

Визуалы героев

Кен Ларионов(Ушлепыш)

Лида Пронина

Паша Волков

Даша и Маша

Тимур Щербинин (Мур)

Таня

Клава Проскурина (Няша)

Алена (Эльфийка)

Люся Шкодина (Желтуха)

Анастасия Максимовна (Бесяктриса)

Михаил Васильевич

Кристина

Глава 8. В любом вкусе

Ларионов смотрел на экран с открытой формой для внесения нового контакта.

– Что? – Лида оглядела загадочно улыбавшихся девчонок и вернула скептический взгляд Ушлепышу. – Зачем тебе мой номер?

– С добрым утром поздравлять буду, – сарказничал. Его ничто не смущало. Даже уши не краснели, хотя девчонки не вслух, но про себя определенно хихикали.

– Не надо, – ошеломленная Лида замотала головой, отодвигаясь корпусом от непрошенного «друга».

– *Мне*надо. Диктуй, записываю.

– Раскомандовался! Обойдешься, – она хмыкнула и посмотрела на девчонок.

Таня опустила и глаза, и уголки рта. Маша, без родинки, едва сдерживала хихиканье, поглядывая на Ушлепыша, а Даша облизывала ложку в попытке скрыть ухмылку. Ни поддержки, ни упрека Лида от них не добилась.

– Твой? – Ушлепыш ткнул пальцем в смартфон, лежащий рядом с Лидиной тарелкой.

– Не трогай! – поздно она спохватилась.

Ушлепыш взял ее телефон и, когда Лида протянула за ним руку, схватил ее за запястье.

– Отпусти, придурок!

В ответ она получила лишь наглый смешок, все равно что плевок. Крепкая у него была хватка. Пытаясь вырваться, Лида себя чуть не подняла со стула. А Ушлепыш спокойно оперировал ее большим пальцем – приложил его к кнопке включения для разблокировки смартфона. И все сработало.

– Спасибо, – он выпустил ее кисть, как мусор.

– Ах ты!..

Лида вскочила, но Ушлепыш оказался шустрее и, смеясь, отбежал за несколько столиков, а ей в качестве препятствий раскидал пару свободных стульев. На грохот все обернулись. Маша ахнула. Таня с Дашей переглянулись.

– Грабитель! – прокричала Лида.

Все в столовой уже следили за ними, но на Лидин крик отреагировали бездействием. Никто не воспринял ее всерьез, наоборот, многие посмеивались.

Бесячий ушлепыш!

Лиду сковали бессилие и злость.

– Не бойся, я только номер стрельну.

Ушлепыш с победоносным оскалом поднес к уху ее смартфон, потом вытащил свой из кармана и проверил экран. Что-то в нем записал, а после, как ни в чем не бывало, вернулся к столику Лиды и девчонок, расставив уроненные стулья по местам.

– Ты всегда так по-бандитски номера стреляешь?

Лида искрилась от гнева, но всеобщее внимание накинуло на нее невидимую сеть, сильно ограничив в действиях. Так бы она огрела Ушлепыша тарелкой.

– В первый раз, – как будто даже без иронии ответил он и кинул на стол ее смартфон.

Лида тут же его подняла и прижала ладонью к бедру.

– И с чего тебе вдруг приспичило поздравлять меня с добрым утром?

– С того, что добрее надо быть. Ты сегодня явно встала не с той ноги. Ой, лапки, – Ушлепыш показал два ровных ряда белоснежных зубов.

Да что ты обо мне вообще знаешь, чтобы судить, с какой ноги я встала?

– А я тебе тогда буду желать кошмарных снов. Чтобы ты всегда вставал не с той ноги. Ой, копыта, – Лида тоже умела скалиться.

Найдя в списке вызовов последний, она сохранила номер как «УШЛЕПЫШ» и продемонстрировала ему экран со злорадством. Близняшки, не сговариваясь, одновременно поперхнулись в попытке сдержать смех, а Таня присвистнула. Остальные в столовой вроде как перестали на них глазеть и вернулись к своим делам, но пара любопытных носов тянулись в их сторону, желая подсмотреть, что там на телефоне.

– Мм, ты добавила ласкательный суффикс. Мило, – ничуть не оскорбился Ларионов.– Окей, раз у нас такие отношения.

Девчонки захихикали в голос. Лида их смерила суровым взглядом, тем самым заткнув, и процедила:

– Нет у нас никаких отношений.

Игнорируя ее, Ушлепыш быстро напечатал что-то в телефоне и продемонстрировал экран. Лида фигурировала в его контактах как «Лягушонок».

– Жду тебя в своих кошмарах, – подмигнул он, а потом обернулся к Тане и близняшкам, откинув два пальца от виска. – Приятного аппетита.

Они улыбались. У Лиды все лицо горело. Пока она кривилась в недоумении и отвращении, Ушлепыш смылся. Так же резко, как появился до этого.

– Кажись, Кен на тебя запал, – заговорщически шепнула Таня, приставив к щеке ладонь, якобы от посторонних ушей.

Лида вытянулась вся и напряглась. Не знала, как реагировать. Только глаза таращила на кокетливые улыбочки близняшек. На нее еще никто и никогда не западал. И она от этого не страдала. А сейчас стало ужасно неловко. Хотелось поскорее избавиться от нежеланного внимания, как от заразы. Тут все были какие-то помешанные на отношениях.

– То есть, по вашему, симпатия *так*проявляется? – Лида покрутила пальцем в воздухе, а хотелось бы у виска.

– У Кена, видимо, да, – пожала плечами Даша. Или Маша. От волнения и злости Лида забыла, кто из них кто. Сердце так клокотало в груди, что все могли слышать.

Не то чтобы она была умудрена опытом любовных ухаживаний, но по отношениям своей единственной подруги и ее парня знала, как настоящая симпатия выглядит. Как минимум они друг друга не оскорбляли.

– У него, что, девушки нет?

Лида надеялась, что прозвучала, не как заинтересованная особа. Близняшки переглянулись, а Таня пожала плечами.

– Достоверно никто не знает. Кен не палится.

– А как же та, розовая? – Лида обозначила шевелюру, показав на себе, хотя у нее волосы были заплетены в тугие косы.

– Клава-то? – почти фыркнула Даша, с родинкой. – Ее он просто меньше всех игнорит.

Лида в душе не согласилась. На «игнорит» все эти слащавые ухмылки и подмигивания не походили.

– Скорее, она больше всех напрашивается, – поправила Таня.

Маша резко замотала головой и замахала кистью, чтобы все прильнули к ней, а сама шептала почти в голос:

– Шкодина из «Б» класса караулит его возле спортзала и с каждой тренировки провожает до дома, типа им по пути, хотя сама живет в другом районе. Так что Клава еще скромница.

– Мне кажется, Шкодина далеко не самая ярая сталкерша, – Даша хлебнула ложку супа. – Его такие на каждом углу поджидают.

– А Наташа из «вэшек», говорят, – Маша вошла в сплетнический азарт, Лида видела блеск в ее глазах, – вообще хочет подарить Кену *себя*на выпускной.

Таня с Дашей раскрыли рты. Лида насупилась, а Маша, самодовольно кивая, продолжала.

– Ага. Кто-то слышал, как она в туалете подружкам рассказывала, что уже подобрала специальное платье, которое легко снимается, ну типа чтоб фщуть и эффектно перед ним предстать.

Девчонки похихикали, а Лиде стало жаль эту Наташу. Она ведь знала, что любовь зла. Бабушка ей столько всяких историй рассказывала про ушлепышей. И собственный отец у Лиды оказался таким же. Мама ему поверила, тоже себя подарила, а он, узнав о ее беременности, моментально слился, а после школы специально в Корею вернулся, к корням, притом что родился во Владивостоке.

Лида не сдержала презрения.

– Господи, Ларионов тут как будто единственный парень во вселенной.

– Ему, знаешь, сколько валентинок прилетело в этом году? – Маша воскликнула с таким запалом, что Лиде захотелось порадоваться за нее. Или за Ларионова. – Вся парта была ими усыпана.

– А он соскреб это в пакет, положил под стул и сделал вид, что забыл, – докончила Даша.

Таня хмыкнула и помотала головой.

– Ни одну не прочитал.

– Значит, у него есть девушка, просто вне школы, – заключила Лида, выдохнув.

Эта догадка принесла ей облегчение, хоть поведение Ушлепыша и смущало.

Даша ответила с легкой тенью сомнения:

– Вряд ли, Паша бы тогда знал.

– А значит, и все мы, – хихикнула Маша. – Между прочим, Паша первым стал вас с ним сводить. Что-то понял про Кена.

– Точно! – распахнув круглые глаза, воскликнула Таня и уронила ложку в опустевшую тарелку.

– Они же смеялись надо мной, – прогнусавила Лида.

– Шутя-любя, – с умилением протянула Маша.

Скорее, насмехаясь-ненавидя.

Стараясь не показывать смущения, Лида принялась дербанить вторую котлету. Гречку почти не трогала. Заедала мясо бутербродом.

Непонятно было, зачем Ушлепышу потребовался ее номер, да еще так резко и срочно. Со временем он бы и так его узнал. В общем чате, например. Лида не сомневалась, что у одиннадцатого «А», как и у всех, был общий чат для обсуждения внутриклассных вопросов и учебы. И староста был обязан ее туда добавить.

– Ты для Кена все равно что глоток свежего воздуха, – Даша усмехнулась, изучая Лидино лицо. – Тут все ему в рот смотрят, чуть ли не поклоняются, как айдолу [8], а ты его мощно так с небес на землю спустила.

– Сразу в помойку, – добавила Таня, и девчонки рассмеялись.

Лида тоже улыбнулась. Она, конечно, не планировала, но вышло даже лучше, чем хотелось.

И тут до нее дошло. Ушлепыш просто решил ее подставить и опозорить на весь класс, а то и школу. Сперва подкатить к ней, влюбить в себя и потом публично бросить с особым унижением. Самый верный способ ее достать в обход защиты матери-директора. И девчонок он подбил на то, чтобы они внушили Лиде, типа она избранная, да еще и разрекламировали его самого.

Лида много раз встречала такое в романах, которые читала под одеялом, прячась от бабушки. В книгах, разумеется, все заканчивалось хэппи-эндом, красавчик в итоге влюблялся в серую мышь, но Лида знала, что в жизни так не работало.

Впрочем, план Ушлепыша был изначально провален. Даже если бы не догадалась обо всем этом заговоре, Лида бы все равно не влюбилась и не повелась на красавчика. Ей было

не до того. В первую очередь учеба, потом учеба и опять учеба. Она обязалась поступить в престижный вуз, получить красный диплом, найти хорошо оплачиваемую работу, а там уже и начнет искать себе партнера для жизни и отца будущих детей. До тех пор и думать об этом было нельзя.

Лида усмехнулась про себя, вообразив, какое разочарование настигнет Ушлепыша, когда все его старания обломаются о ее каменное сердце. Она начала ликовать раньше времени, хотя бабушка учила ее обратному.

– А что это за улыбочка? – подметила наблюдательная Маша, прищурившись.

– Что? – опомнившись, Лида смяла внутреннее торжество и запихнула в рот последний кусочек котлеты.

– Он тебе тоже понравился?

– После того, что было? – Лида всей душой не понимала, как это вообще возможно, а девчонки не видели в этом ничего зазорного. Пришлось разъяснить. – Такие не в моем вкусе.

– Ой, да ладно, – Таня бесцеремонно толкнула ее локтем в локоть, выбив из руки вилку. – Кен в любом вкусе.

Даша тоже смотрела внимательно, изучала Лидино лицо досконально, что-то да выуживала. Лида просто пожала плечами.

– Выходит, не в любом.

– Ты просто его пока не знаешь.

– И не желаю узнавать.

– А придется.

Девчонки переглянулись между собой и посмеялись.

– Вы только и можете, что о Ларионове разговаривать? – сказав это, Лида испугалась, что вышло грубо, но девчонки не выказали ни толики обиды.

– Нас в его фанклуб не пускают, так что можем и не о нем, – Таня подперла рукой щеку и легко переключилась на другую тему. – Вот мне интересно, какая Анастасия Максимовна дома.

Близняшки прижались к столу и захлопали глазами. Лида отвечала им тем же, потому что рассказывать было нечего. Она ведь не знала, какая мама дома обычно. Она вообще мало что о маме знала.

– Нормальная, – пожала плечами и опустила взгляд.

– Жесткая? – ахнула Маша.

– Нуу… – Лида зависла.

Бабушка казалась ей гораздо строже. Мама не контролировала ее историю браузера как минимум и не спрашивала, когда она вернется. И пока вообще никак не пыталась ее воспитывать, потому что права не имела. Она, действительно, вела себя и воспринималась Лидой как двоюродная тетя – единственная оставшаяся родственница, которая суетится вокруг, считая своим долгом помочь, но, по сути, только мешает.

– Видимо, как в школе: строгая, но справедливая, – ответила за нее Даша, и девчонки согласились.

– Ты не думай, здесь ее все уважают и любят. Она одна из самых адекватных училок, – Таня махнула рукой перед Лидой, как бы развеяла все ее сомнения.

– И понимающая, – кивнула Маша.

Лиде вроде как было плевать на маму, но этот факт почему-то удивил и задел.

– Анастасия Максимовна, конечно, жестко за нами следит, ворчит часто, но всегда по делу. Она за нас горой. И даже перед родителями иногда выгораживает, когда видит, что они сами неадекваты, – восхищалась Таня. – Никого в беде не бросает.

«Никого не бросает, – зациклилась фраза у Лиды в голове.

Все телефоны, лежавшие на столе, одновременно завибрировали. Лида посмотрела в свой. Это Ушлепыш добавил ее в классный чат, а потом в еще один – внеклассный. Он так и назывался.

– О, добро пожаловать, – прочитав уведомление на своем смартфоне, Маша улыбнулась Лиде.

– А что, Ларионов и есть староста? – Лида подняла брови.

– Староста у нас Сафин, – Таня, не поднимая головы, листала чат.

Маша показала окуляры пальцами вокруг глаз – Лида сразу догадалась, что речь про Гарри Поттера.

– Кен однозначно взял тебя в оборот. Добавление во внеклассный чат – это заява, – Даша всегда звучала сурово, даже когда пыталась кокетничать. Это тоже отличало ее от сестры. Маша как будто хихикала по поводу и без.

– Да и в кошмарах ему являться он не каждую просит, – подхватила Таня.

«Ну вот вроде смекают же в сарказме! – недоумевала Лида. – Или они все-таки играют свои роли по просьбе Ушлепыша?».

Не желая продолжать тему, она закруглилась с обедом, ведь еще предстояло перенести парту из кабинета в кабинет, пока шла перемена. Как только Лида собралась покинуть столовую, девчонки сорвались за ней.

[8] Айдол (от англ. idol — кумир, идеал) – это артист в корейской или японской поп-индустрии, который является образцом для подражания, обладает яркой внешностью и проходит долгие годы подготовки, работая под управлением

Глава 9. Дикая

В коридоре второго этажа Лида попросила девчонок напомнить, где будет следующий урок и как туда добраться.

– Не бойся, мы тебя не потеряем, – посмеялась Таня.

– Мне просто надо сперва в кабинет биологии, парту оттуда забрать, – Лида махнула почему-то назад, хотя нужный кабинет находился прямо по курсу.

– Ааа, точно, – кивнула Даша. – Давай, поможем, а то ты такая тоненькая, боюсь, сломаешься.

Она оглядела девчонок – те согласились. Вместе они вернулись в кабинет биологии. Там сидел другой класс. Звонка еще не было, поэтому все болтали. Девчонки поздоровались со всеми сразу и представили Лиду.

– Дочь Биссектрисы, – пояснила Таня без зазрения совести, за что получила упрекающий Дашин взгляд, и глянула на Лиду с извинением.

Лида догадалась, что так маму называли ученики, просто не понимала, почему именно так и что в этом может быть обидного. Какое вообще отношение к маме имела прямая, делящая угол пополам?

«Может, она когда-то вела геометрию?» – Лида даже этого не знала, потому что не интересовалась. Ей было достаточно того, что мама – учитель, а потом – директор школы.

Ребята из этого класса закивали и поприветствовали Лиду кто взмахом руки, кто улыбкой, кто просто любопытным взглядом.

– Это ты, значит, Кену толстовку испортила? – из рядов вышла высокая желтоволосая девушка, явно крашенная, ибо в природе такой цвет наблюдался лишь у подсолнухов. Она носила красный сарафан в пол и белые мокасины в дырочку и походила на сошедшую со страниц народных сказок прекрасную деву: густые вьющиеся волосы, румяные щеки, круглые голубые глаза, идеально полная фигура с широким тазом и объемным бюстом.

Кровь с молоком.

– И что? – мгновенно набычилась Лида. Желтуха звучала совсем недружелюбно.

– Ничего. Осторожнее носи кофе. Можно ведь и на себя пролить, – ухмылка ее обещала Лиде, что так и будет.

– Неуклюжестью не страдаю.

– Мы за партой, – встряла Таня, улыбаясь. – Лиде не нашлось места, вот она вынуждена таскать ее с собой. Анастасия Максимовна распорядилась.

– А бес… директриса даже собственную дочь не щадит, а мы жаловались, – посмеялась Желтуха и остальные за ней.

Здесь Лида согласилась удрученно.

Они сложили мобильную конструкцию и понесли. Лида с Таней взяли с обеих сторон парту, близняшки – стул. Один только стол было тяжело нести, руки сразу натягивались и опускались до предела. Стул выглядел легче, но близняшки тоже с трудом его тащили. Они были худы, как Лида, и при этом вытянутее, то есть выглядели еще более тонкими.

– Эта девушка с золотыми волосами, кстати, и есть Шкодина, – шепнула Таня. – Она выиграла конкурс красоты в прошлом году на Восьмое марта. И Кен подарил ей медляк в честь победы.

Подарил? Хм. Да кто он такой, чтобы дарить девчонкам медляки?

Лиде было не до сплетен, но в уме она поставила галочку, что надо запомнить и обходить стороной желтушную стерву, догадывалась, что простым кофе вряд ли отделается.

Близняшки шли первыми и остановились у лестницы. Следующий урок проходил на третьем этаже. Предстояло поднять эту тяжесть на целых два пролета. Все застопорились. Они

устали тащить это по ровной поверхности, а тягать в гору нужны были новые силы. Лида с огромной благодарностью смотрела на девчонок, ведь одна бы она похоронила себя под этой партой еще на выходе из кабинета биологии.

– Дари, Мари, не раньте мое достоинство. Зачем так напрягаетесь? – напугал их сзади Волчий бас.

В проеме из-за угла показалась широкая фигура с хвостиком на макушке. Лида уже запомнила, что его зовут Паша.

– Да вот, Лиде помогаем, – сразу с претензией ответила Даша, уперев руки в бока. Серебряный браслет с бубенцами тихо прозвенел, упав с предплечья на запястье. – Мужики же у нас недоделанными оказались.

– Обижаешь, Дари, я молчал, – улыбнулся всем оскалом Паша и перенял у близняшек стул. – Просто каждому недоделанному рыцарю нужна своя царевна, которая его доделает.

Он подмигнул Даше, а она закатила глаза. Зато Маша смотрела на них с тоскливой завистью. Лида успела поймать этот мимолетный, но о многом говорящий взгляд, пока улыбка его не скрыла.

– Спасибо, Паша. Ты настоящий мужчина, – похвалила его Маша.

– Когда рядом настоящие женщины, – он поклонился головой и обернулся.

Маша ответила реверансом. Даша недовольно смяла пухлые губы.

– Че звал? – в проем на лестницу залетел Ушлепыш и пробежался по всем пяти фигурам рассеянными глазами.

– Кен, твоя царевна в беде. Надо спасать, – Паша кивнул на Лиду, подпиравшую сложенный стол ногой сбоку.

Она покраснела, убеждая себя, что это гнев, а не смущение.

– Если царевна вежливо попросит, – Ушлепыш показал фарфоровый оскал. Так и хотелось разбить его вдребезги.

– Обойдусь, – Лида отвернулась.

– А я не откажусь от помощи. Я эту бандуру наверх не потащу, – заартачилась Таня.

Лида знала, что не имела права, но все равно корила ее за слабость, притом что Таня обладала явно большей силой, чем она. Лида сочла это за предательство. Хоть вслух ничего не сказала.

Ушлепыш перевел на Лиду ухмылистый взгляд, полный ожидания капитуляции.

Паша уже прошел три ступени и близняшки за ним поднялись на вторую. Таня поставила ногу на первую, а Ушлепыш не торопился. Лида скрестила руки. Ушлепыш стоял расслабленно и только бровь напрягал, подняв.

– Ну? – он уперся бедром в перила и скрестил руки – принял выжидательную позицию.

– Что ну? – недоумевала Лида.

– Так странно, Анастасия Максимовна вроде воспитанная женщина, дважды лучший педагог года, а ты у нее такая дикая.

Паша с девчонками выдавили по смешку.

– Думай, что хочешь. Мне плевать на твое мнение. Умолять я тебя точно не буду, потому что нормального человека умолять не надо, – отрезала Лида и, схватив стол, потащила его наверх по ступеням.

Ушлепыш с Пашей переглянулись. Девчонки помотали головами.

Стол тащился тяжело. Лида едва могла его сдвинуть, тем более поднять. Пришлось напрячь вообще все тело, но одну ступеньку она с трудом преодолела. Массив дерева вкупе с железными трубами оказался гораздо тяжелее, чем выглядел.

«Мама, блин, позаботилась, называется», – бесилась Лида. Злость хотя бы придавала ей сил.

На второй ступени Ушлепыш отобрал у нее стол и посмотрел в глаза с насмешкой.

– Неужели сказать «пожалуйста» тяжелее, чем тягать это?

– Тяжелее унижаться, да еще перед тобой, – все еще пыхтя, Лида попыталась прозвучать гордо.

– Понятно, – он отвернулся и показал всем рукой, что можно двигаться.

Со стороны казалось, что парни несли груз легко, даже вверх по лестнице, особенно по сравнению с девчонками. Хотя лица оба напрягали туго и дышали тяжело.

«Сколько в них силы», – искренне восхитилась Лида, чувствуя, как по жилам растекается усталость.

Она сцепила руки и подбородок чуть приподняла. На Ушлепыша старалась не смотреть. Его кристальные глаза слепили и одновременно пугали своей прозрачной глубиной.

– Твой папа, случайно, не Шрек? – спросил он внезапно.

– С чего бы вдруг? – вопрос прозвучал не в тему и Лиде потребовалась пара секунд смекнуть, к чему он клонит. – Потому что Шрек тоже зеленый и живет на болоте, как лягушка?

Орком Лиду еще не называли. Она вперила тяжелый взгляд в наглую ушастую рожу – вынудил.

Ушлепыш выдавил смешок и покачал головой, как бы отнекиваясь.

– Потому что он тоже не любит людей, как ты.

Остальные уже поднялись на этаж, и Ушлепыш нагнал их, перешагивая через ступеньки. Лида засеменила следом.

– Я люблю людей, просто не всех.

Она кивнула на него с намеком. Ушлепыш то ли правда не понял, то ли сделал вид.

– Ага, маму, – усмехнулся. – Это не считается. Мам все любят.

У Лиды ком образовался в горле за секунду, но она его пересилила и ответила тихо, опустив голову.

– Не все.

Девчонки с Пашей почему-то на нее обернулись, затем переглянулись и пошли вперед. Лида с Ушлепышем шагали метрах в двух следом. Зависла пауза.

Ее прервала девушка, бежавшая им навстречу – та самая Желтуха. Она сперва подошла к Тане и передала ей брелок с ключами:

– Ты обронила в кабинете.

– О, спасибо! – Таня сунула ключи в карман и улыбнулась Желтухе, но та на нее уже не обращала внимания, зато глазела на Ларионова.

– Привет, Кен!

А Лиде достался убийственный взгляд.

– Привет, Люся, – улыбнулся он дружелюбно.

– Ты сегодня идешь на тренировку?

– А ты будешь меня там ждать? – Ушлепышу шел кокетливый тон. Сам по себе голос у него был низковат, но на таких волнах звучал ласково для ушей, даже не влюбленных Лидиных. Желтуха так вообще мгновенно растаяла.

– У меня просто тоже тренировка сегодня, – она попыталась сохранить лицо, которое покрылось густой краской.

– Тогда приду.

Заполучив его внимание, Желтуха тут же перевела взгляд на Лиду, уже презрительный.

– Эта хамка впрягла тебя?

Лида подняла на нее сердитое лицо, чтобы ответить, но Ушлепыш ее опередил и проговорил без всякой досады:

– Если ты про Биссектрису, то да.

– Бедняга, – проходя мимо него, Желтуха коснулась его плеча и задержалась на нем дольше, чем нужно для моральной поддержки.

– Не бойся за меня. Я стойкий, – он просто прошел дальше, и ее ладонь сама собой соскользнула с его плеча, но успела ухватить часть руки до локтя.

– Увидимся после тренировок, – крикнула вслед Желтуха.

Ушлепыш не ответил, сразу переключился на Лиду.

– Интересно, почему я в твоей градации ушлепыш, а не ушлепок? Думаешь, недорос еще до крайней степени упоротости? – он посмотрел на нее с насмешливым любопытством.

Лида пожала плечами, не отвечая на его взгляд.

– Суффикс здесь не ласкательный. Просто бабушка всех плохих людей так называла. Говорила, что как раз упоротость делает их мелкими, оттого и ушлепыши. Так что это крайняя степень.

– Оу, понятно.

Опять замолчали. Паша с близняшками смеялись о чем-то своем. Таня печатала на смартфоне. Лиду щипала неловкость. Они с Ушлепышем как будто остались наедине, хоть и шли по коридору, полному других учеников, поглядывали друг на друга по очереди, ничего не говоря. Лида просто чувствовала его взгляд периодически и каждый раз невольно сжималась.

Кабинет, в который они пришли, не был каким-то специализированным по предмету. Вместо учебных материалов здесь висели постеры с мудрыми цитатами о знании, науке, стремлении к самосовершенствованию.

Паша вошел первым и сразу отнес стул в угол, приставив его к стене в сложенном виде. Ларионов следом занес парту и разложил там же в углу, а сверху положил свой телефон.

– На алгебре я сижу с Аленой. Иди туда, – он показал Лиде на Эльфийку во втором ряду.

– В смысле? – первой Лидиной реакцией было раздражение: какого фига он ей указывает?

– Теперь я буду сидеть за раскладной партой, а ты сиди на моих местах, чтоб не таскаться с ней, – ответил он спокойно, без всяких интонаций.

– Прекрасная идея, – Таня похлопала его по плечу в знак одобрения, а Лиде улыбнулась широко.

Лиде пришлось согласиться, что Ушлепыш нашел идеальный выход из этой тупой ситуации.

«Не такой уж и Ушлепыш, получается? – спросил кто-то внутри. Послышался голос бабушки.

– Хорошо, – растерявшись, она забыла добавить «спасибо».

– Кеен! – возмутилась Эльфийка. – Я не буду с ней сидеть.

– Ну хочешь, садись сюда, – Ларионов с обаятельной улыбкой пригласил Эльфийку за раскладную парту.

Она тут же сдулась и больше не возражала.

«Что это с ним? План свой коварный воплощает? Или мама на него надавила?» – Лида во всем искала логику.

Сопротивляясь упорному взгляду скуксившейся Эльфийки, она прошла к парте и села, стараясь игнорировать то облако черной ауры, которое витало над соседкой. Врагинь себе Лида тут наживала со скоростью света. И все из-за Ушлепыша.

«Как они из-за него раньше тут друг другу глотки не перегрызли?» – недоумевала она.

Глава 10. Круть. Писк. Восторг

Остаток учебного дня прошел спокойно. Лиду особо не трогали. Она подозревала, что мамин авторитет ее волей-неволей защищал, и раздражалась на это. Сама игнорировала всех, кроме Тани и близняшек, которые продолжали ее расспрашивать о разном: о маме, о Владивостоке, о переезде, где она была и чем занималась. Лида отвечала правдиво и односложно.

На последней перемене девчонки заняли самый угловой диванчик в холле второго этажа, за лестницей. Туда мало кто заглядывал.

– А Шкодина с Клавой дружат? – Лида не знала, как еще спросить о таком. Но полученная сегодня угроза не оставляла ее в покое. Хотелось оценить опасность, чтобы заранее продумать пути обхода, хоть ее бесили все эти мелочные проблемы. Самое несправедливое в этом было то, что она страдала просто так, без вины, из-за Ушлепыша. Но деваться было уже некуда. Сама того не желая, она напросилась.

– Терпеть друг друга не могут, – посмеялась Даша, и Маша ей вторила.

– Но против тебя наверняка сойдутся, – добавила Таня. Ей почему-то это казалось забавным.

– Не бойся, Кен не даст тебя в обиду, – Таня говорила убежденно, но не убедительно.

Лида подняла вопросительно бровь.

– Я испортила его драгоценность. Мне кажется, он сам очень хочет меня обидеть.

Девчонки посмеялись.

– Девушек Кен не трогает, – ответила Даша. – Хоть в лицо ему плюнь.

– А что, кто-то уже плевал? – в Лиде проснулось неподдельное любопытство.

– Было дело. Одна неадекватная фанатка выпросила у него медляк и попыталась его поцеловать, а Кен не дался. Тогда она плюнула в него. На его же дне рождения, при всех.

– В шею, правда, попала, – уточнила Маша.

– Отчаянная, – заключила Лида. Она пока не дошла до той степени ненависти, чтобы плеваться, хотя, казалось, сильнее Ушлепыша ее никто за жизнь не раздражал. Разве что мама.

– Кен молча вытерся ее платьем и ушел, – закончила Даша, поджав подбородок. – И ничего ей за это не сделал. Просто перестал замечать. И кажется, для нее это было наихудшее наказание.

Господи, мечта ходячая.

– Тебе на заметку, если хочешь, чтобы Кен от тебя отстал, харкни ему в рожу, – Таня подмигнула чересчур выразительно, как пантомим.

Маша поспешила Лиду предупредить, взяв за руку.

– Правда, от его фан-базы это тебя не спасет. Та деваха до сих пор изгой.

Лиду ничего не удивило. Ларионов тут был звездой, и среди его поклонниц не могли не найтись верные псины, готовые погрызть любого, кто на их ненаглядного Кена покусится. Ему самому и делать ничего не надо, даже приказ отдавать. Зато сам весь белый и пушистый. Этим он бесил Лиду еще сильнее.

– Кен не злой. Бунтарит иногда, но вообще он душа компании. Даже с Муром подружился, – Таня сама удивлялась тому, что говорила.

«Мур? А, тот, с пятном», – Лиде приходилось напрягать память на каждом имени.

– А с Муром очень сложно подружиться?

– Угу. Если ты не заметила, он застенчивый и довольно грубый. Просто над ним в младшей школе издевались из-за родимого пятна. Только Кен смог ему в друзья набиться, остальных он к себе не подпускает особо.

Загадочная улыбка подсказывала, что Таня как раз знает его хорошо.

На Лидин молчаливый вопрос она ответила сразу.

– Мы учились в одной школе до того, как поступили сюда в пятом классе.

Лида кивнула.

После уроков они вчетвером шли по плиточной дорожке, ведущей к калитке, когда их заставил обернуться многоголосый крик, словно на курятник напала собака.

– Уаа! Вау! Уии! Кеен! Новый трюк?! – визжала и смеялась толпа девчонок, из которой на скейте выехал самодовольный Ушлепыш.

Лиде сразу стало неинтересно, что там происходит. И так было ясно, что Ушлепыш выпендривался и кадрил девушек. А те радовались и цеплялись за крючок, все скопом, как одурманенные.

– Кеен! Напугал! – Няша изображала недовольство, а в голосе слышалось лишь кокетство. Она только к последнему уроку дососала чупа-чупс и сейчас просто жевала надутые губы.

– Ты же знаешь, Клав, все под контролем. Я никогда не сделаю тебе больно, – Ушлепыш за секунду обернулся вокруг нее.

Расплывшись в счастливой улыбке, Няша откинула шарф наотмашь и отправила ему воздушный поцелуй. Ушлепыш, захапав руками много пространства перед собой, типа поймал пас, сложил их на груди и укатил вперед под визги остальных девчонок.

Лида закатила глаза и не заметила, как Ушлепыш подкатил к ней, только когда он закружил вокруг на скейте.

– Что? – спросил, не снимая ухмылки с лица. – Тебя, разумеется, не впечатлило?

Лида не думала, что он обратит на нее внимание при всех, особенно при толпе верных поклонниц, чьи взгляды копьями вонзались ей в спину.

«Специально подставляет, – догадалась она. – Чтобы эти зомбированные овцы меня раскромсали. Хитро».

– Круть. Писк. Восторг, – она постаралась звучать дерзко, с сарказмом, но сама растерялась, и вышло неуклюже.

– Спасибо. Чмок. Сердечко, – подхватил Ушлепыш, перекрестив большой и указательный пальцы так, что они приняли форму сердца.

– Оу, – не сдержалась Таня и поиграла бровями, на что-то намекая Лиде.

Близняшки смущали Лиду лукавыми взглядами, а Ушлепыша никак это не трогало. Он выехал на тротуар, но обернулся.

– Не забудь завтра толстовку. И помни, хоть одна ворсинка с нее упадет, я развяжу твой шопер на нитки.

Тут же продемонстрировал пока целый залог и перекинул его с плеча на плечо.

– Ты мой шопер тоже приведи в порядок. Иначе толстовку свою не получишь, – крикнула Лида уже в спину. Вместо Ушлепыша ей отвечал красный рюкзак, у которого молния на переднем кармашке очень напоминала задиристую ухмылку.

Лида прокрутила «солнышком» пакет, что ей щедро выделила Таня для толстовки. Девчонки улыбались. А Няша, шедшая в нескольких метрах позади, грозно прищурилась. Лида демонстративно от нее отвернулась.

– Берегись! – следом за Ушлепышем промчался Паша, тоже на скейте.

Он держал в руке зонт и, проезжая мимо, ловко его опустил, так, что тот защитил Дашу и Машу, стоявших ближе к краю, от брызг. «Дворовой гонщик» на сером седане облил бы их с ног до головы из глубокой лужи, что примыкала к тротуару. Джентльменский жест вышел эффектным.

Паша обернулся и кинул раскрытый зонтик на близняшек.

– Дарю, Дари! Не благодари! – поклонился и укатил дальше, проделав все это без остановки.

Даша кое-как в прыжке поймала зонт, иначе бы он рухнул им на головы. Лида от страха втянула плечи, Таня подняла руки. Только Маша следила не за тем.

– И не благодарю! – Даша захлопнула зонт нажатием кнопки и с несоразмерным напором сложила рукоять.

Дождь моросил, но не критично. Большинство обходилось без ничего.

Даша уже замахнулась зонтом, но Паша, не оборачиваясь, вскинул руку в знак то ли согласия, то ли отрицания и крикнул:

– Можешь не возвращать.

Маша проводила Пашу с улыбкой, а в глазах Лида опять заметила тлеющую ревность, не яркую и не злобную, а именно потухающую. Даша взглянула на сестру виновато, и тогда Маша быстро поменялась в лице. Тени печали и след простыл.

– Кееен! Гля, че умею, – Пашин голос уносился дальше и становился тише.

Ушлепыш обернулся и притормозил. Паша выполнил непонятный Лиде выверт – скейт чуть не улетел в забор, но парень его каким-то чудом вернул себе под ноги и приземлился обратно на тротуар.

– Нифа, – искренне восторгался Ушлепыш, моргая примерно так же, как девчонки, которые ничего не поняли, но тут же вернулся в себя. – Моя фича круче. Ты фиг так сделаешь.

– Да как два пальца в розетку, – возразил Паша.

– Об асфальт, дурилла, – Ушлепыш рассмеялся.

– На что спорим?

Заехав за угол, парни пропали из виду, и только тогда Лида и остальные оторвали от них взгляды.

– На, тебе в коллекцию, – Даша швырнула сестре уже скрученный зонт в руки. Маша аж отшатнулась на шаг, но подачу приняла и улыбнулась искренне.

– Спасибо.

Она раскрыла зонт и накрыла им себя.

Лида посмотрела в этот момент на Таню, хотела оценить ее реакцию. Они встретились глазами, Таня только поджала губы.

– Нам туда, – показала Даша за всех троих.

– Ага. Тогда пока, – улыбнулась Лида. Сама еще не знала, в какую ей сторону. Помнила лишь, что пришла не оттуда, куда они показывали.

Все три помахали ей руками, развернулись и потопали по тротуару, забитому другими учениками.

– Видели, что Паша вытворяет? А год назад едва стоял на скейте, – услышала Лида восхищение Маши. По голосу она не могла определить, кто из близняшек кто, но уже не сомневалась, что восклицала Маша. Даша явно такого себе не позволяла.

Лида включила навигатор и пошла по указаниям программы через дворы к дому. Язык пока не поворачивался назвать его своим. Лида всего одну ночь провела в маминой квартире. Настоящий ее дом остался за тысячи километров, поэтому дома у нее, считай, не было.

Она надеялась, что к началу нового учебного года съедет от мамы – поступит в московский вуз, заселится в общежитие и снова будет за тысячу километров.

По сравнению с бабушкиной, еще советской, квартиркой, мама жила в хоромах. Здесь имелось целых три комнаты: спальня мамы, ее кабинет и гостевая комната, которую она выделила Лиде, а еще большая кухня-гостиная, на которой мама, казалось, почти не проводила время. Все предметы там были чинно расставлены по полкам и шкафам, а на плите Лида не обнаружила следов нещадной эксплуатации. Мама предпочитала заказывать еду из ресторана и употреблять ее в своем кабинете.

В их с бабушкой пещерке вся мебель давно устарела, стерлась, много раз перекрашивалась, а находиться там было гораздо приятнее. Повсюду висели бабушкины вышивки, на все диванные подушки она сама связала милые чехлы и пледы для самого дивана меняла каждую

неделю. Кухня вообще была забита ненужными, но приятными глазу фигурками, чашечками, вазочками и другой декоративной посудой, которой пользовались лишь по праздникам.

А в этой квартире все было разложено, как в первозданном виде. Даже диван в гостиной не промят, оттого и уюта недоставало.

Сам интерьер, современный дизайнерский, без всяких орнаментов и ярких цветов, а сплошь бело-серый отдавал бездушностью.

В бабушкину квартиру хотелось возвращаться, а из маминой – поскорее уйти.

Лида перекусила крекером, который раздобыла на одной из полок возле холодильника и запила его горячим красным чаем, больше цветочным, чем фруктовым. Все другие оказались еще травянистее и, скорее, походили на отвары, чем на чаи, а нормального, черного или хотя бы зеленого, у мамы не нашлось.

Пока пила чай, Лида заглянула в телефон. От Вики сегодня сообщений не было. В чате последними висели вчерашние слова поддержки:

«*Держись, подруга! Что бы ни творилось – все к лучшему. Питер к Москве ближе, будет проще поступать. Потерпеть всего несколько месяцев. А там и встретимся ;)*».

Это грело душу. Лида вчера несколько раз перечитала сообщение, еще утром взбодрила себя перед выходом и опять пробежалась по ним несколько раз.

Во Владивостоке наступила ночь. Лида решила не беспокоить Вику звонком, хоть и знала, что та вряд ли пока спит. Набросала сообщения текстом. Рассказала про свой первый день, пожаловалась на Ушлепыша и заодно на свое одиночество. Последнее сразу после отправки все-таки стерла. У Вики всего пару месяцев назад появился парень, не хотелось портить ей весеннее настроение своей депрессией.

«*Красивый?*» – первым делом переспросила Вика, быстро прочитав сообщения.

Лида сперва хотела ответить, что у нее нет фото Ушлепыша, но потом вспомнила – они же обменялись номерами. И заглянула в его профиль в мессенджере. Нашла там несколько аватарок с ним настоящим. На всех Ларионов позировал с пафосом. Он явно себя любил и гордился своей внешностью. Часто лыбился, но взглядом намекал на свою ушлепышную сущность. На одной из фоток его окружали девчонки – несколько из одиннадцатого «А» и другие, показавшиеся Лиде знакомыми. Наверняка она видела их сегодня в школе, но не запомнила. Ближе всего, положив руки на его плечи, стояли Няша и Желтуха.

«Самые ярые фанатки», – закатила глаза Лида.

Она специально заскринила именно эту фотографию и отправила Вике.

«*Вуф, какой небожитель,*– без смайлов написала подруга. – *Даже не скрывает, что Казанова*».

«*Ага, гордится этим*», – убежденно ответила Лида.

«*Хм, итак, что мы имеем: он тебя полапал, подышал тебе в пупок, сделал сомнительный, но все же комплимент насчет выпуклостей, буквально украл твой номер и назвал тебя «Лягушонком». Главное, избавил от необходимости таскать тяжеленную парту. Ну я бы тоже решила, что парень к тебе подкатывает*», – рассудила Вика.

Лида не видела в этом особых признаков симпатии, но все девчонки почему-то убеждали ее в этом. И ладно, одноклассницы, вполне вероятно посланные самим Ушлепышем, но Вика! Лучшая подруга, чьему мнению Лида привыкла доверять. И все же она решила возразить.

«*Думаю, он просто хочет хитро отомстить, закадрить меня, а потом бросить с громким скандалом. Наверное, на выпускном, когда мама уже ничего не сможет ему сделать*».

«*Нууу… Звучит логично и коварно. Но неужели других способов мести нет? Это ж ему пару месяцев перед этим придется за тобой ухаживать у всех на виду. Как-то странно будет для такого красавчика бегать за новенькой замухрышкой. Он так, вообще-то, не только тебя, но и себя унизит, нет?*» – Вика всегда рассуждала прямо и умела посмотреть под разными углами, этим Лиде и нравилась, но иногда ранила словами без всякой задней мысли.

Лиду ужалило это безапелляционное «замухрышка», хотя она сама себя так назвала, когда описывала подруге всю ситуацию. Только Лида поставила слово в кавычки, а Вика – нет. Еще ей не понравилось, что ухаживание за ней – это унижение для Ушлепыша, но пришлось согласиться. В глазах других все так и выглядело.

«*Остальным он наверняка объяснит, что делает это, лишь бы опозорить меня еще сильнее. Все поймут*», – написала Лида, проглотив обиду.

«*А вдруг ты ему, правда, понравилась?*».

А вот этот вопрос Лиде польстил. Вика все-таки не считала ее безнадежной.

«*Мне без разницы. Я дала бабушке обещание, и ни один ушлепыш не способен меня заставить его нарушить*».

«Но все равно, я бы хотела знать, по-настоящему он или нет. Круто же, если такой в тебя влюбится. Чисто его уделать, отомстить за все разбитые им сердца».

Вика зрела в корень. Лиде хотелось вывести Ушлепыша на чистую воду, но не столько ради мести, сколько в качестве психологического эксперимента: способны ли вообще ушлепыши на чувства. Ведь даже ушлепыши, если они искренни, не заслуживают унижения, но если он притворяется, то она с чистой совестью сможет жестко уронить его в грязь лицом. И совсем чуть-чуть Лиде хотелось понять, может ли кто-то ее полюбить.

«*Проверь его*».

«*Как?*» – мгновенно отозвалась Лида.

Вика долго не отвечала, а потом написала:

«*Влюбленный парень хочет все время быть рядом и помогать. Показывай ему, что тебе нужна помощь. Если он будет охотно отзываться, значит, ты ему не безразлична*».

«*Ну с партой он помог, но скорее из-за мамы, чем по доброте душевной*», – сомневалась Лида.

«*Это да, не показатель. А ты попробуй выбить из него реальную жертву. Напрямую попроси о помощи, да так, чтоб ему это чего-то стоило, и посмотри, пойдет ли он ради тебя на такое*».

Лида удивлялась, откуда Вика набралась столько хитростей, но звучало разумно. Решила, что так и сделает. Найдет возможность притвориться слабой, хотя никогда раньше этого не делала – не пыталась привлечь внимание парня и вынудить его заботиться о ней.

«*Егор так ради меня пропустил концерт любимой группы*», – похвасталась Вика и дальше углубилась в свою влюбленность.

Лида читала все ее ахи, вздохи и восторги без интереса. Всякие бабочки в животе, шило в заднице, иголки в сердце – это все ее никогда не беспокоило. Она и представить не могла подобные ощущения. Лиде казалось, от такого свихнуться можно. Бабушка говорила, что это просто гормоны в пубертате бушуют, но и они пройдут, так что все чувства в себе можно заглушить и перебороть, если не отвлекаться от цели.

А сейчас ее приоритетной целью стало обретение независимости от матери. Для этого нужно было хорошо сдать экзамены, чтобы поступить на бюджет в вуз, который Лида выбрала. Но сперва предстояло выжить в новой школе и выйти из ситуации с достоинством, поэтому приходилось отвлекаться на этого Ушлепыша и армию влюбленных в него девиц.

«И чем же можно заставить его жертвовать?» – надолго задумалась Лида.

Глава 11. Глаза-в-глаза

Вика никак не могла наговориться о своем Егоре и строчила сообщения тоннами. От Лиды требовалось лишь не выпадать из контекста, иногда поддакивать и изредка задавать уточняющие вопросы. После очередного такого в ожидании ответа она перешла в канал «КенРис» любопытства ради. Хотела понять, чем Ушлепыш держит там всю школу.

На канал подписалась тысяча с небольшим человек. Точно вся школа и даже чуточку больше.

Последний, сегодняшний, пост был о Лиде – тот самый рисунок с лягушкой. Ушлепыш подписал его просто: «Дочь Бесятркисы». Только теперь Лида догадалась, почему такое прозвище. Она частенько слышала от мамы брошенное всуе «Бесит». Вероятно, ученики давно подловили ее на любимом словечке и соединили его с должностью директрисы. Геометрия здесь была ни при чем.

В комментариях ничего крамольного Лида не нашла. В принципе люди писали все то, что она ожидала услышать.

«Царевна-лягушка», – «оригинальничал» кто-то не из их класса, усмехаясь смайлом в конце предложения.

«Кен, это та самая, которая облила тебя кофе?».

«Я думал, после посягательства на твою толстовку она уже не дышит».

«Думает, раз дочь Бесяктрисы, все ей дозволено?» – возмущался аватар с брюнеткой. Лида догадалась, что это была очередная Ушлепышеская поклонница.

«Ничооо! У Бесяктрисы есть дочь?! Когда она успела? Я ее с пузом не видел».

«Всем бы так рожать сразу 17-летних», – смеялся эмодзи со слезами.

«И от святого духа».

«Чудеса!».

«Причем, говорят, она не из Питера. С Дальнего Востока вообще приехала».

Лида удивилась тому, как быстро ползли слухи. Комментарий был оставлен еще в течение учебного дня. О том, что она из Владивостока Лида рассказала только Тане и близняшкам, да при Ларионове один раз упомянула. Важного ничего в этом Лида не видела, поэтому не стала даже разбираться.

«А как так?».

«Тайны, интриги, расследования».

«Может приемная?».

«Нафига вообще она тут объявилась? Под конец года? Логика покинула чат».

«Бесяктриса испугалась, что ее дочь не сможет окончить школу нормально, вот и прибрала под свое крыло».

«Ясно же, Бесяктриса ее не воспитывала. Говорят, бабке ее отдала, а та померла, и дочка напросилась к мамке».

«Ни к кому я не напрашивалась! Меня не спросили», –хотелось Лиде написать в ответ на комментарий, но она вовремя остановилась. Поняла, что лучше вообще не реагировать, ведь доказывать этим придуркам правду не имело смысла.

Стало очевидно, что никто в этом чате директора не боялся, раз так открыто обсуждали ее личную жизнь. Канал с постами читать мог любой, а в чат войти – только по приглашению. Лиду внесла Таня. Вероятно, Ушлепыш следил за чатом, оттого и чат пользовался такой популярностью. Здесь можно было выговориться.

В предыдущем посте Ушлепыш хвастался своим граффити на плацу во дворе школы. Оно изображало раскрытую тетрадь в линейку, на которой мимо строчек было написано как от руки синими чернилами: «У меня вегсо лишь дилсеския. А у вас тпуость голонвого мозга.

Сочвутсвую». Синий текст перечеркнули крест-накрест красные линии. Внизу стояла жирная, несколько раз обведенная, двойка.

Протест против учительницы русского языка?

Граффити фотографировали сверху, из окна школы. Пост вышел только вчера, а уже сегодня Лида ничего на плацу не видела. Она бы точно заметила такие яркие краски. Рисунок оперативно закрасили серым.

Значит, у него дислексия.

Это Лиду немного удивило, добавило Ушлепышу человечности, но углубляться она не стала.

Вся лента канала пестрила мемами, нарисованными карандашами от руки и просто сфотографированными на телефон. На картинках карикатурные люди, или звери, или половинка-на-половинку, занимались глупостями. Лида узнала среди героев только Анну Романовну в образе гуманизированной сороки и Людмилу Геннадьевну, очеловеченную овечку. Ушлепыш хорошо передал характер каждой. Лида мгновенно их считала.

Каждый пост набирал сотни комментариев. Там люди далеко не всегда обсуждали сам мем, иногда просто общались о школьной текучке, спрашивали о разном друг у друга, просили советов и рекомендовали сами. Кто-то с кем-то только знакомился и флиртовал, кто-то ругался.

Сам Ларионов в комментариях появлялся редко, даже на хвалебные девчачьи отзывы не отвечал, лишь ставил реакции в виде сердечек.

Между приколами мелькали видеохвасты, на которых Ларионов показывал трюки на скейте, чаще в компании Паши, Мура и других парней. Иногда они просто дурачились и веселили себя и народ. Под такими постами было больше всего реакций и комментариев. Девчонки восторгались. Было чем. Ларионов делал по-настоящему эффектные трюки. Каждый как-то называл, но Лида не заморачивалась и не запоминала. Чаще парни катались на специальных площадках, реже – прямо в городе.

Зависнув, Лида совсем забыла про подругу, но Вика так и не ответила – наверняка уснула.

Мама сообщила, что возвращается обычно к семи вечера. У Лиды оставалось достаточно времени побыть наедине, принять душ, обустроиться в новом обиталище и разобрать вещи. Этим она и занялась.

Одежды у нее осталось немного – только самое необходимое, что поместилось в багаж. Лиде хватило трех полок в шкафу. Косметику она выложила на письменный стол. Ноутбук мама обещала купить на днях, старый Лидин они выбросили. Было не жалко, там и клавиши постоянно заедали, и экран треснул. Им с бабушкой просто не хватало денег его заменить. Мама постоянно присылала «алименты», но бабушка их откладывала на Лидин счет, а Лида этими деньгами пользоваться не желала.

Быстро управившись со своим барахлом, Лида отправилась в ванную отстирывать толстовку Ларионова. От нее разило кофе и немного арбузом и еще чем-то пряным, как выпечка – так пах сам Ушлепыш. Не то чтобы Лида внюхивалась специально, но вкус почему-то запомнила. Ее прежние одноклассники все воняли одинаково дезодорантами, причем пшикались ими от души, Лида задыхалась с ними в одном помещении. Ушлепыш таким не страдал. За это Лида его похвалила.

«И есть ведь у него что-то святое. Хотя бы подарок от кумира, который он ценит больше денег», – размышляла Лида. В этом они чуть-чуть были похожи. Оба ценили простые вещи, подаренные значимыми людьми, и готовы были бороться за них до последнего. Лида улыбнулась этой мысли.

Стирать вручную оказалось той еще морокой, особенно такую тяжелую вещь, как толстовка, особенно белую. Лида много сил и порошка потратила на выведение пятна от кофе, который расплылся на всю фронтальную сторону. Кое-как отжав толстовку, она поменяла воду

и села на край ванной, чтобы передохнуть. Руки уже отнимались. Под пальцами на правой ладони в двух местах образовались мозоли.

Из прихожей раздался щелчок замка и хлопок двери. Немного потоптавшись на месте, мама почти сразу прошла по коридору на кухню и остановилась напротив ванной, в которой Лида молча, замерев, ждала ее.

Лишь в эти несколько секунд она ощутила на полную страх остаться с мамой наедине. Фактически они уже неделю жили вместе, еще там, во Владивостоке, пока хоронили бабушку. Но до этого все проходило в суматохе, мама суетилась с похоронами и улаживала другие дела, постоянно была на телефоне, в общем, они с Лидой почти не разговаривали, сугубо по делу.

И вот настал момент поговорить. Именно разговора Лида боялась. Настоящего разговора глаза-в-глаза, от которого не спрятаться за плохой связью, разницей в часовых поясах или расстоянием. И даже бабушка теперь не могла ее защитить. Этот разговор давно назревал, просто раньше Лида легко от него убегала, а сейчас чувствовала себя загнанной в клетку. Ванная была непривычно просторной, но все равно замкнутой. И единственный выход загородила прямая и узкая, как дверь, фигура мамы.

– Чем занимаешься? – она заглянула за Лиду.

– Стираю толстовку Ларионова, – пришлось признаться.

Скрыть утреннюю перепалку все равно не удалось, поэтому стоило рассказать все в деталях. И она поделилась, начав с того, как Ушлепыш ее обрызгал на тротуаре.

Мама слушала внимательно, подперев косяк и скрестив руки на груди. А Лида то и дело поглядывала на мамины домашние тапочки с пухлощекими мордами хомяков спереди. Они сильно контрастировали с ее строгим директорским нарядом.

– Ну вот поэтому стираю вручную, – она взболтнула воду в тазу.

– Ох уж этот Ларионов, – вздохнула мама. – Но ты бы тоже могла отнестись ко всему спокойнее. Он вряд ли специально это сделал, а ты весь класс против себя настроила. Там все равняются на Ларионова.

– И что? По-твоему, я должна терпеть унижение в угоду этому Ушлепышу?

Лида и раньше знала, что у мамы нет гордости, но ее взбесило, что мама распространяла свои слабости на нее.

– Я ему объяснила твою ситуацию, про бабушку и…

– Зачем?! – Лида аж вскочила на ноги. Последнее, чего она хотела бы – это показаться жалкой перед Ушлепышем, а заодно и всем классом, и тем более школой.

– Ну чтобы он вошел в положение… – мама зажато приподняла плечи и не сразу их опустила.

– Его это не касается! Никого не касается. Зачем об этом говорить?

Боль мгновенно поднялась по пищеводу и застряла в глотке. Лида не с первого раза смогла ее проглотить.

Мама растерялась и открыла беззвучно рот.

– Вообще, не лезь в мои дела! Я сама разберусь! – Лида выпихнула ее в коридор и захлопнула дверь, оставшись внутри.

– Лид, я хотела помочь… – приглушенный голос звучал взволнованно.

– А получилось как всегда! – рявкнула Лида и ударила кулаком в дверь, чтобы мама испугалась и отстала от нее.

В коридоре все затихло. Шагов тоже не было слышно. Казалось, мама испарилась, и Лида бы только обрадовалась, если бы оно так случилось, но понимала, что чудес не бывает. Мама просто замерла и заткнулась, но наверняка продолжала стоять за дверью, придумывая тупые оправдания или утешения.

Пауза тянулась уже минут пять. Умыв холодной водой лицо, Лида немного остыла и принялась за толстовку. Мозоли при каждом движении напоминали о себе жгучей болью. Прополоскать еще получилось, но выжать уже не хватало сил.

– Лид, я знаю, ты злишься на меня и есть за что, – раздался за дверью болезненный голос. Именно таким и слышался – вымученным, севшим, скрипучим. – И я понимаю, что ты переживаешь после смерти бабушки, поэтому не хотела…

– И не надо, – перебила Лида, догадываясь, чего не хотела мама. Снова плюхнула толстовку в воду и села на край ванны. Пыталась представить, что творил Ларионов с ее шопером. Наверняка выворачивал его там наизнанку грубо – такой силач способен и порвать вязаную вещь ненароком.

На ладонь прилетела горячая капля – слеза. Лида бесилась на себя, что не сдержалась, но слезы, одна за другой, капали сами. Ушлепыш и мама растормошили ее боль. Любая мысль о бабушке отдавалась в теле тягучими спазмами. Ноющими, медленно нарастающими и еще дольше проходящими.

Такая боль будто специально притуплялась, чтобы ее можно было выносить и при этом продолжать терпеть постоянно, фоном, как должное. Эта боль давно сидела в Лиде, она просто усилием воли ее игнорировала. Но силы резко кончились. Внутри порвалась защитная оболочка, и Лида, накрыв голову руками, заплакала. Старалась тихо, чтобы мама не услышала.

– Лид, я не хотела тебя бросать, – мама аккуратно постучалась в дверь.

Лида замерла. Мама все свои попытки поговорить начинала с этой фразы. Дальше Лида не слушала, потому что было очевидно – мама врет. Тот, кто не хочет бросать, – не бросает. Все просто. Остальное – отговорки. На все детские Лидины попытки оправдать маму бабушка отвечала именно так, пока Лида сама этого не осознала.

Но сейчас бабушки рядом не было, никто не подслушивал их разговор и не нашептывал Лиде на ухо. Некому было спасти ее от мамы, поэтому приходилось слушать.

Лида специально включила воду, чтобы хоть как-то приглушить голос за дверью, но мама его повысила и продолжила:

– Я хотела взять тебя с собой, но бабушка… она мне не дала.

«Могла вовсе не уезжать», – про себя думала Лида, уже в тысячный раз.

– Она отобрала тебя, а меня выставила на улицу. И больше не давала с тобой видеться. Только по телефону.

– Ты не особо и пыталась, – хмыкнула Лида.

Вживую они встретились впервые неделю назад. До этого были лишь звонки: аудио-, видео-, и смски.

Лида хорошо помнила короткий эпизод, как сидела на подоконнике в слезах и билась в окно, тщетно пытаясь достучаться до мамы. Та не слышала и не видела. Даже головы не подняла на прощание. Села в такси, не обернувшись, и умчала.

А бабушка была рядом с самого начала и утешала.

«Не плачь, Лидонька, мы с тобой вдвоем остались. Даже к лучшему. Не нужна нам такая мама», – бабушка долго после повторяла эту фразу, до тех самых пор, пока Лида не согласилась с ней и не перестала ждать.

Мама уехала буквально на следующее утро после третьего Лидиного дня рождения. И к семи Лида перестала надеяться на ее возвращение. Мама изъявила желание пообщаться, лишь когда Лида поступила в пятый класс. Тогда в ней проснулась ненависть.

«Ладно, бросила, ладно, забыла, но зачем возвращаться?» – не понимала она.

– Я пыталась! Постоянно! Я приезжала чуть ли не каждый год, – запальчиво воскликнула мама, а потом начала стихать, как севшая музыкальная шкатулка. – Бабушка, конечно, тебе об этом не рассказывала. Она не впускала меня даже на порог. И грозилась, что вообще лишит меня родительских прав.

– Зря она этого не сделала, – Лида цокнула от досады и, крепко выжала толстовку, разодрав мозоли. Тут же завыла от боли и бросила тяжелую тряпку обратно в воду.

– Лида, что случилось?! – мама беспокойно постучала по двери. – Что ты делаешь?

Лида открыла дверь нараспашку, чтобы вырваться из тупика, в который сама себя загнала, и посмотрела в мамино растерянное лицо холодным взглядом. Слезы еще сохли на щеках. На ее и на маминых.

– Толстовку стираю, – неприветливо, но и без грубости ответила Лида. – Пластырь есть?

– Сейчас.

Споткнувшись о принесенные пакеты на полу, мама суетливо убежала на кухню. Лида прошла за ней. Там за столом, отобрав аптечку, она сама продезинфицировала руки и наклеила пластырь на порванные мозоли. Они не кровоточили, просто надо было смягчить их чем-то, чтобы дожать толстовку.

– Зачем так стараться-то? Ради Ларионова, – недовольно вздохнула мама, косясь на Лидины руки.

– Если за что-то берусь, я делаю на совесть, – буркнула Лида и хотела вернуться в ванную, но мама преградила путь. Вся растерянность пропала, снова проявился директорский дух.

– Оставь, пока. Давай поедим. Потом я ее достираю.

– Не надо мне помогать. Я сама все сделаю.

Не желая сильно ее касаться, Лида подвинула маму аккуратно пальцами за плечо, но та шагнула обратно.

– Так мозоли же. Больно!

– Справлюсь.

Лида вышла из кухни. Мама тихо пробурчала:

– Вся в бабушку упрямая.

Лида услышала, но не стала отвечать. Не требовалось и не хотелось. Мама пришла за ней в ванную и протянула резиновые перчатки.

– Надень. А то пластырь ведь отклеится.

– Давай, – Лида спокойно приняла подачу. Сама уже догадалась, что идея с пластырем требовала доработки.

Пока она выжимала толстовку, мама стояла со скрещенными руками и смотрела. Хоть молчала.

– Хочешь еще что-то сказать? – Лида не выдержала давления и вытерла лоб мокрой рукой. Волосы спутались и прилипли к коже.

Мама, как будто на автомате, сделала шаг к ней и убрала мешающие прядки в стороны. Лида воткнула в нее злой взгляд и отпрянула.

– Не трогай меня.

– Прости, – мама отшагнула дальше, чем стояла до этого, и спрятала руки за спину.

Лида не сводила с нее глаз – защищалась так от дальнейших посягательств.

– Кхм, пойду разогрею ужин, – мама неуклюже попятилась. – Взяла китайскую лапшу со свининой из любимого ресторана. Надеюсь, тебе понравится.

Не получив ответа, она вышла. Наконец Лида осталась одна. Протяжный вздох помог высвободить остатки застывших чувств и застрявшую неловкость.

В памяти повторялись фразы: «Я не хотела тебя бросать», «Отобрала тебя», «Грозилась лишить родительских прав», «Чуть ли не каждый год».

Бабушка, и правда, ничего не рассказывала.

Лида вспомнила один эпизод из дошкольного детства, когда какая-то тетя во дворе из-за дерева зазывала ее к себе. Но Лида тогда уже была научена не слушаться незнакомцев и забежала в дом. Лица она толком не разглядела, но ее долго преследовала надежда, или как она сама думала, догадка, что это была мама. Потом она отбросила это ничего не значащее

воспоминание и давно его не поднимала. А сейчас оно всплыло само, да еще в ярких красках. И теперь Лида отчетливо видела в той испуганной женщине за деревом мамины черты, хоть и пыталась их развидеть.

Глава 12. Эксперимент

К Лидиному счастью, мама ушла на работу на час раньше, как и вчера. Им не пришлось пересекаться. Перед школой Лида не поленилась погладить толстовку Ларионова. Сама не поняла, зачем это сделала. То ли взращенный бабушкой перфекционизм не позволил оставить ее мятой, то ли хотелось показать Ушлепышу, насколько она лучше его. Ларионов не мог замарочиться с ее шопером, если вообще что-то с ним делал. Но Лида решила держаться твердо: если Ушлепыш не отстирал шопер, то толстовку ему не отдаст.

Сегодня небо терялось за тучами, хотя синоптики обещали день без дождя. Солнце выглядывало редко. Ветер тут же задувал его обратно. Лида успела замерзнуть, пока шла до школы, но прохлада не остановила физрука от проведения уроков на улице.

Для физкультуры на переднем дворе имелся мини-стадион с беговой дорожкой и внутренней площадкой 3-в-1: футбольной, волейбольной и баскетбольной. Его окружал сетчатый забор.

Мальчики и девочки сразу приходили в свои раздевалки. С Лидой ожидаемо поздоровались только близняшки и Таня. Остальные проигнорировали. Лишь Няша с Эльфийкой бросили в нее фикающие взгляды, но Лиду это мало беспокоило.

– О, ты ее даже погладила, – восхитилась Таня, когда Лида достала из пакета расписную толстовку, чтобы убедиться в ее чистоте и целостности.

Предвкушая очередные потуги к сватовству, Лида обвела девчонок сердитым взглядом, но сбить их кокетливый настрой не удалось.

– Кен зацент, – хихикнула Маша, приподняв бровь.

Даша, стоявшая за ее спиной, положила подбородок сестре на плечо и, хмыкнув, добавила:

– Кажется, *так*за этой толстовкой сам Кен не ухаживает.

– Точно-точно, – поддакнула Таня.

Девчонки дружно посмеялись. Лида заметила, как Няша и ее свита за ними наблюдали, хоть и пытались сделать вид, что очень заняты собственным обсуждением.

– Я всегда глажу вещи после стирки, – Лида почти не врала. То, что сильно сминалось в стиральной машине, она, действительно, гладила, просто таких вещей в ее гардеробе было немного. Она предпочитала практичные ткани.

Они вышли через парадный вход на передний двор. На площадке уже тусовалась большая часть их одноклассников.

Лида поежилась. Спортивная форма из бифлекса не защищала ее от ветра. Таня под ветровкой носила термобелье – ее ничто не напрягало. Близняшки были в одинаковых хлопковых штанах и толстовках, которые одной своей плотностью внушали тепло, но Даша при этом терла себя руками, чтобы согреться, а Маша, наоборот, обдувала шею ладонью от духоты. Обнимая себя крепко, Лида заранее невзлюбила физрука за уличные занятия. Она ведь заглянула перед раздевалкой в спортзал – огромный, функциональный и, главное, теплый. Заниматься там было гораздо удобнее.

И не похоже, что май месяц. Полноценный октябрь.

– Дышим, девицы, дышим свежим воздухом, – пробежал мимо них на площадку здоровенный дядька с карикатурными усами, как у Печкина. На нем и костюм был винтажный, советский. Он словно вылетел прямиком из 80-х. Такой наверняка вставал в пять утра и бегал по ближайшему парку в любую погоду, хоть зимой, хоть летом.

– Мы надышались уже, Семен Егорович, пока в школу шли, – крикнула ему вслед Даша. – Аж зубы сводит.

– Так шевелитесь, гоняйте кровь! – учитель провел руками по плечам и груди, показывая, как кровь может двигаться по телу, но теплее от этого не стало.

Еще и ветер подул. Даша закуталась в капюшон. Лиду пронзила зависть, какую она за жизнь не испытывала, потому что ей даже уши накрыть было нечем. К тому же специальная дышащая ткань отлично пропускала воздух. В спортзале это было преимуществом, а сейчас Лида страдала. Она уже начала поглядывать на толстовку Ушлепыша, которая была сшита из плотного хлопка с легкой флисовой подкладкой – в такой от переохлаждения умереть было невозможно. Но Лида сдержала себя, вспомнив о шопере. Ей бы не хотелось, чтобы им кто-то пользовался без ее ведома.

На площадке парни кучей разговаривали с физруком. Точнее, они сидели на скамьях, а он перед ними делал разминку и читал нотации о здоровом духе в здоровом теле.

Белая голова Ларионова торчала в центре между Пашей и Муром. Несколько парней стояли за ними в ряд. Лиде не сразу удалось привлечь его внимание, пришлось пристально на него смотреть, вывесив толстовку на вытянутой руке.

– Кен, Царевна тебя зазывает, – Гарри Поттер, стоявший над Ларионовым, похлопал его по плечу.

Только тогда тот повернулся в ее сторону.

– О, моя прелесть! – вскочив, воскликнул Ларионов и сразу привлек этим взгляды всех одноклассников, особенно девчонок во главе с Няшей, что до этого спокойно болтали о своем в сторонке и не обращали на Лиду никакого внимания.

Его красный спортивный костюм с легким отливом походил на адидасовскую классику, только без полосок. На груди красовался типа бренд, но Лида о таком и не слышала, хотя пошит костюм был явно качественно и сидел на Ларионове четко, как надо. В нем и в белоснежных беговых кроссовках на широкой подошве парень выглядел по-модельному круто.

Он подошел к Лиде и хотел было схватить толстовку, но она увела руку.

– Где шопер?

Усмехнувшись, Ларионов вернулся за ним к скамейке. Там рядом на заборе висел пакет. Он достал оттуда розовую сумку и продемонстрировал ее Лиде на все триста шестьдесят градусов.

«Хм, отстирал», – удивилась она. Никаких следов от пятен не осталось. И пахло свежим порошком. Лида посмотрела на Ушлепыша с другого ракурса – все еще с недоверием и при этом приятным изумлением.

– Так сойдет? – спросил Ларионов, хотя ухмылка его выдавала: ноль сомнений в собственном успехе.

– Удовлетворительно, – хмыкнула Лида.

– Теперь ты покажи мою толстовку.

– Вы как будто в фильме Гая Ричи, – посмеялся Паша со скамьи. – Чем барыжите?

– Не встревай, когда серьезные люди разговаривают, – осек его Ларионов деловито и кивнул на пакет в руках Лиды.

Она вынула толстовку и расправила во всей красе.

– Хм, даже погладила, ништяк, – Ларионов самодовольно оглядел свое сокровище.

– Привычка гладить вещи после стирки, – Лида тут же смяла толстовку и бросила в пакет, повесив его на раскрытой ладони.

– А это что?

Он обхватил ее кисть и аккуратно, едва касаясь, прошелся пальцем по коже под мозолями. Лида зависла. Сердце внутри ахнуло и на мгновение остановилось. Легкий импульс проскочил по позвоночнику, разбудив мурашки. Натянувшиеся жилы стали ощущаться как цепи на пределе. А тепло его касания стекало по ним тонким ручейком: не могло расплавить, но щекотало.

– Очень льстит, что ты так старалась ради меня, – ехидность его усмешки прожигала лицо.

– Эти мозоли давнишние, – Лида отдернула руку и натянула рукав кофты на кулак.

– А выглядят свежо, – ушлепышная ухмылка только расширилась.

Их отвлекла возникшая рядом Няша.

– Кен, я замерзла, – в этот раз она жевала жвачку и говорила с таким же приторно-тягучим произношением. – Согреешь меня?

У Лиды бровь сама собой поднялась. Не столько от самоуверенной наглости просьбы, сколько от ее бесстыжей интимности. Таня с близняшками тоже заметно смутились и переглянулись между собой. А Няша улыбалась мило, без стеснения, и выпячивала грудь колесом хвастливо.

«Вот как надо парней просить о помощи, значит», – мотала на ус Лида.

Ларионов прополз взглядом по Няше с ног до головы и улыбнулся. Быстро взглянув на пакет в Лидиной руке с ценнейшей из толстовок, он расстегнул молнию олимпийки, которую носил.

– Могу дать это.

– Уиии! Ты мой спаситель!

Засияв ярче мелькнувшего за тучами солнца, Няша чмокнула воздух и развернулась, чтобы позволить Ларионову накинуть ей на плечи олимпийку. Перед этим она ими повела, будто крылья расправила. Ларионов по-джентльменски повесил на Няшу олимпийку, делал это аккуратно, не спеша, словно с рождения владел хорошими манерами.

Няша, довольная собой, смерила Лиду победоносным прищуром и убежала восвояси к хихикающим девчонкам. Все так и жаждали обсудить эту короткую сценку.

«Легко отзывается на просьбу о помощи», – вспомнила Лида вчерашний разговор с подругой и лишний раз убедилась, что Няша все-таки особенная среди его поклонниц.

Ларионов развернулся лицом к Лиде с еще блестящей улыбкой и мгновенно сменил тон на деловой:

– Продолжим?

Лида сперва протянула пакет с толстовкой, а потом подул ветер, заставил ее сжаться от пронизывающего каждую пору холода и заодно навел на мысль: «Ага, пожертвовать чем-то ценным. То самое».

Она отдернула пакет на себя. Ларионов посмотрел с вопросом и зарождающимся недовольством. Лида вдруг очень отчетливо стала слышать собственное сердце. Оно поднялось и застряло где-то в горле. Пульсация, электризуя вены, отдавала волнами по всей площадке, и все чувствовали ее напряженное волнение. А Ларионов еще и видел, потому что смотрел в глаза, погружаясь. Не мог не прочитать ее страх. Отступать в любом случае стало поздно, поэтому Лида сглотнула и выдала не без напускного высокомерия:

– Мне тоже холодно.

– И тебя согреть? – Ларионов опустил руку и выдавил смешок.

– Ну если ты джентльмен, – Лида не знала, куда деться от прозрачно-глубоких аквамариновых глаз, тянущих в себя, хоть и лукавых, поэтому пожала плечами.

Затылок ее скребли ошарашенные взгляды Тани и близняшек. Из-за спины Ларионова выстреливали ухмылки парней со скамьи. И даже физрук неприлично затих и прислушался.

«Какая же тупая идея оказалась», – пристыдила себя Лида, злясь на Вику за то, что подбила ее на эту глупость.

– Волшебных слов вежливости я, видимо, не услышу? – Ларионов продолжал бурить ее взглядом. Лида отворачивалась, но увернуться от него не могла.

– А ты без них не понимаешь?

Вообще-то, Клава их тоже не произносила.

Лида посмотрела на группу девчонок, возглавляемую Няшей, которые перестали шушукаться и опять внимательно следили за ней и Ларионовым.

Он коротко посмеялся и развел руками.

– Окей. Но мне больше нечего снять.

– Зато есть что надеть, – Лида достала из пакета толстовку и подняла взгляд на Ларионова, хотела отследить реакцию.

Лицо парня выдало возмущение последнего уровня, а в глазах напечаталось по слогам: «НИ-ЗА-ЧТО».

– Губу закатай, Лягушонок. Или что там у тебя длинное? Язык?

Резко разразившийся девчачий смех ударил Лиду током. Громче всех смеялась Няша. Парни тоже присоединились. Волнение за секунду сменилось разочарованием и досадой, а сверху накрыло унижением. Ларионов ее отшил на глазах у всего класса. И Лида сама на это напросилась.

«Ладно, хотя бы убедилась, что он неискренен. Я ведь ради этого все затеяла. Кажется, у него вообще нет в планах меня кадрить. И хорошо», – успокаивала сама себя. А стыд жалил изнутри. Результат явно не стоил самого эксперимента и его последствий. Все теперь думали, что она тоже запала на Ларионова. У одноклассников нарисовались очень красноречивые лица, поэтому Лида предпочла смотреть в газон.

– Забей, я просто проверяла, насколько ты боишься мою маму, – Лида наконец нашлась, как выйти из ситуации, и даже выжала ухмылку.

– Я твою маму очень боюсь, – Ларионов спародировал ужас, и другие посмеялись. – Но толстовку испортить я боюсь еще больше, так что лови это.

Он притянул Лиду к себе и крепко сжал в объятиях. У нее чуть глаза из орбит не выпали, но не от силы давления, а от шока. Одноклассницы заохали, одноклассники странно молчали, и это смущало сильнее. Лидино сердце перешло в бешеный режим, колотилось о ребра так буйно, что Ларионов вполне мог ощущать его толчки на себе. А ей в ответ передавалось его тепло: мягкое и объемное, или, скорее, обволакивающее, расслабляющее.

Лида впервые обнималась с парнем. Больше всего шокировало, что ей понравилось. Ларионов, несмотря на свою ушлепышность, вызывал приязнь. Он был такой большой и… негрубый, если не ласковый. И прижал ее к себе очень крепко – эта сила обещала безопасность.

«Что за мысли?!» – Лида бесилась на саму себя за слабость, которой поддавалась бессознательно.

– Эй! – собравшись, она оттолкнула Ларионова. – Ты что себе позволяешь?

Хватая ртом воздух, Лида хотела поскорее выдохнуть арбузный запах, заполнивший легкие, и заменить его свежим кислородом.

– Вообще-то, выполняю твою просьбу, – Ларионов приподнял бровь.

– Я не просила меня обнимать. Еще раз меня тронешь, и… – Лида не знала, чем пригрозить, просто бегала глазами по его фигуре, которой своими силенками вряд ли могла причинить большой ущерб.

– И?

Ларионов с позиции превосходства выждал пару секунд и коснулся ее скулы указательным пальцем, согнутым в крючок, оставив там жгучий след.

– По щекам вижу, что ты согрелась. Значит, мое дело сделано.

Парни снова заголосили, подчеркивая неуместную романтичность момента. Румянец накрыл Лиду полностью: от пят до макушки.

– Я же сказала, не трогай меня больше! – она отшагнула, хотя Ушлепыш уже не покушался.

– С удовольствием, – он поднял ладони и сам отошел.

Лида всучила ему пакет с толстовкой и содрала с его плеча шопер, игнорируя победоносную ухмылку.

– Кен, а меня согреешь тоже? – выскочила из толпы Эльфийка, сегодня носившая косу вместо двух хвостов.

– И меня тогда уж, – раздался еще один голос из группы.

– И меня.

– Сорян, мои ресурсы исчерпаны, – Ларионов развел руками и развернулся к ним.

– Девчонки, я тоже теплый, – поднялся со скамьи Паша и раскрыл длинные руки, готовый принять в объятия кого угодно и любых габаритов. – Дари, тебя обслужу вне очереди.

Даша опять ответила закатыванием глаз, хотя сама ежилась от каждого дуновения ветра.

– Я за нее! – не растерялась Маша и побежала в объятия Паши.

Одноклассники посмеялись.

Прогремел звонок, и физрук скомандовал классу построиться.

– Семен Егорыч, я щас, – Ларионов приподнял пакет с толстовкой и побежал с ним в здание школы.

Физрук понимающе кивнул, а остальных окинул строгим взглядом. Все начали строиться в шеренгу.

Лида решила повесить шопер на забор, чтобы лишний раз с Ушлепышем не пересекаться.

Она горела заживо и старалась ни на кого не смотреть, едва увиливая от жаждущих глаз Тани и близняшек. Ей сейчас очень хотелось обсудить все с Викой. Обвинить ее в своем позоре, выбраниться на Ушлепыша, который каждую неловкость превращал в кринж, и заречься проверять парней на истинность чувств. Ее ведь вообще все это не должно было касаться. Она обещала бабушке, а сама играла в их дурацкие игры. И злилась на себя.

Глава 13. Возмездие

Физкультура всегда казалась Лиде скучной. По сравнению с другими Лида считалась слабой и мало на что способной, поэтому ее не любили брать в команду. Чаще всего она отсиживалась на скамейке запасных, а когда ее все-таки вызывали на поле, то мгновенно становилась козлом отпущения по всем промахам.

Физрук заставлял их играть в волейбол, парней и девчонок по отдельности. В классе оказалось ровно двадцать четыре ученика поровну на каждый пол. Лида пришла двадцать пятой и стала лишней, поэтому ее оставили на скамейке запасных. Она этому только обрадовалась. Единственное, что напрягало, – это холод. Лида успела продрогнуть за урок, особенно потому что сидела, не двигаясь, на открытом месте, и ветер обдувал ее со всех сторон.

Пока играли одни, вторые за них болели. Группа поддержки Кена во главе с Няшей и Эль

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.